

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК

Луиза Мэй
Олкотт

ЛОСКУТНЫЙ
МЕШОЧЕК
ТЕТУШКИ ДЖО

«А З К А»

Луиза Мэй Олкотт
Лоскутный мешочек
тетушки Джо
Серия «Иностранная
литература. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73886717

*Лоскутный мешочек тетушки Джо. сборник рассказов: Азбука,
Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-32734-4*

Аннотация

«Лоскутный мешочек тетушки Джо» – сборник рассказов Луизы Мэй Олкотт, которые она писала для детей, но всю свою глубину они открывают только взрослым, затрагивая самые чуткие струны в сердце. Это пестрое собрание погружает читателя в немного сентиментальную атмосферу семейных вечеров, неторопливых бесед у камина, детских проказ и счастливых воспоминаний.

Хотя рассказы этого сборника и не имеют непосредственной сюжетной связи с самым знаменитым романом писательницы, но не одно только название отсылает к любимой героине «Маленьких женщин» – непоседливой бунтарке Джо Марч, которую Луиза Олкотт писала с себя самой. Созданные в 1880-х годах «Мои

мальчики», «Мои девочки», «Три узелка из шалей» и другие произведения из «Лоскутного мешочка» пропитаны той же нежностью и теплом домашнего очага, уютной, как плюшевый плед, ностальгией по лучшему времени жизни – детству и юности. Времени сказок и волшебства, говорящих зверей и игрушек, времени шалостей и ошибок, чудес и открытий и рождения первых серьезных чувств – дружбы, любви, милосердия.

Впервые на русском языке!

Содержание

Мои мальчики	8
Предисловие	8
Мои мальчики	9
Сюрпризы Тессы	42
Базз	64
Детская шутка	72
Одуванчик	94
Мадам Кудах и ЕЕ семейство	102
Странный визит	112
Рождество Тилли	123
Мой маленький джентльмен	132
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Луиза Мэй Олкотт Лоскутный мешочек тетушки Джо

Louisa May Alcott
AUNT JO'S SCRAP-BAG

Иллюстрации:

Луизы Мэй Олкотт, Эбигейл Мэй Олкотт, Эдди Лэдьярда

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Луиза Мэй Олкотт

ЛОСКУТНЫЙ
МЕШОЧЕК
ТЕТУШКИ ДЖО

Санкт-Петербург

Мои мальчики

Предисловие

Как бабушки перетряхивают мешочки с забавными мелочами, скопившимися за много лет, в поисках подарков к Рождеству, так и я вытряхнула из памяти кое-какие истории, полузабытые и относительно свежие, чтобы развлечь ими столь быстро и счастливо разросшуюся вокруг меня семью.

Надеюсь, милые мои «маленькие лапочки», прошеествовав по пробуждении в ночных рубашках и колпаках к своим рождественским чулкам и среди прочего обнаружив скромный презент тети Джо, ахнут от удовольствия и, может быть, даже примутся радостно пританцовывать.

Рождественские каникулы с 1871 на 1872 год

Мои мальчики

Ощущая, что мне выпала редкая удача познать весьма разнообразные черты представителей этой энергичной, яркой и привилегированной части человечества, хочу поделиться кое-чем из приобретенного опыта в надежде заставить людей задуматься, стоит ли превосходным плодам под названием «мальчики» произрастать в небрежении, подобно дичкам в лесу.

Я порой размышляю недоуменно, почему даже самые близкие люди почти обходят их с определенного возраста своим вниманием. Пока они маленькие, розовощекие, беззаботно-нежные и почти бессознательные существа, восхищение ими безмерно. Похвалы и ласки льются на них со всех сторон. Ими восторгаются, их обожают, нянчат и наряжают до такой степени, что можно лишь диву даваться, каким образом не портят окончательно. Но вот мальчик вышел из нежного возраста, и что же? Взрослые предпочитают держаться от него подальше, как от источника шума, всяческих неприятностей и помех. И он шествует одиноко по тернистому пути испытаний до самого совершеннолетия, когда вновь окажется в фаворе.

Мне мальчики этого заброшенного возраста, когда старшие их лишают опеки, которая теперь им как раз совершенно не помешала бы, все же нравились. Устрицы и мальчики

хороши свежими. Бесспорно, хорошие манеры располагают к себе, но некоторый налет грубости тоже по-своему занимателен, пусть и отпугивает от мальчиков большинство человечества. Ведь разве не радостно, проникнув сквозь толщу колючей поверхности, ощутить под ней мягкое нутро? До вкусного ядрышка ореха тоже не доберешься, пока не расколешь жесткой скорлупы.

Первым предметом моего обожания среди мальчиков стал некий Фрэнк. Я, семилетняя, липла к нему в порыве чувств, которые, боюсь, ни малейшего отклика у него не вызывали. Присутствие в доме шести девочек оставляло меня равнодушной. Мне было нечего им сказать, и я предпочитала таскаться хвостиком за Фрэнком, испытывая огромное счастье, если он позволял мне с ним поиграть. Увы, вел себя со мной этот Фрэнк тиранически. Он неустанно стремился довести меня до слез, и никакие другие замыслы не в силах были его увлечь. Шлепки по рукам то книжками, то палочками, которыми гоняют по земле обруч, то обувью разных фасонов и видов или еще какими-нибудь предметами, попадавшимися под руку и пригодными для звонкого, обжигающего шлепка, щедро сыпались на меня. Я принимала эти знаки расположения со стойкостью сильного духом индейского воина, и сколь же достойной наградой за рубцы на ладонях мне показались его слова, обращенные к другим мальчикам: «А малышка-то она храбрая. Заплакать ее не заставишь».

Главным для меня удовольствием было болтаться с ним в длинных галереях фабрики, изготавливающей фортепьяно, которая находилась за нашим домом. Тяжелые грузы тамошние рабочие перевозили на тележках. Эти тележки и доставляли нам с Фрэнком главное удовольствие. Забравшись украдкой в какую-нибудь из них, мы скатывались стремительно вниз по наклонному полу. В конце пути нас порой ожидало крушение, но даже синяки и ссадины не удерживали от новых попыток. Если бы я могла к тому же играть с Фрэнком и Билли Бэбкоком в футбол на общинном поле, для меня не существовало бы большей радости. Но футбол считался занятием для девочек недопустимым, и мне лишь оставалось вымещать свой гнев на такую несправедливость, гоняя без остановки палочкой обруч по аллее для прогулок, что почиталось неприемлемым уже для мальчиков.

Помню счастливые вечера, когда мы с Фрэнком, угнездившись в уголках дивана, наслаждались украденными из кладовки лакомствами и мечтательно строили планы дальнейших проделок. Иногда в такие моменты усталый Фрэнк клал голову мне на колени, не пресекая попыток ее погладить. А вот чем занимались девочки, я не помню. Их игры в домовитых хозяек оставались за кругом моих интересов. Только веселый мальчишка с озорно поблескивающими глазами ясно виден мне сквозь пелену времен. Его образ, возможно, остался бы идеальным, не загаси Фрэнк свое сияние поступком, который столь глубоко меня ранил, что я не в силах его

простить по сей день.

Однажды, после очередного, особенно дерзкого озорства, я, не дожидаясь, когда меня призовут к ответу, заперлась в столовой и бросила из своего убежища вызов всему миру. Расчет мой был хитер и прост. Близилось время обеда, который должен был состояться именно там, где я засела, что позволяло мне диктовать условия, на которых я открою доступ сюда всем остальным. И вероятно, я добилась бы своего, если бы не вероломство самого дорогого тогда существа. Фрэнк предал меня. Едва я пустила его в столовую через окно, как он отомкнул дверь противнику, да к тому же, переметнувшись на вражескую сторону, помог доставить меня до места позорного заточения. Мое сердце было почти разбито. Мне-то казалось, что Фрэнк готов встать на мою защиту с той же решительностью, как я – принять его сторону!

С трудом вынеся тяжелый удар, я безвозвратно утратила любовь к нему и доверие. Дружба кончилась. Склеить ее оказались не в силах ни имбирное печенье, ни катание на тележках, ни даже футбол. Я до сих пор помню боль, пронзившую меня кинжалом, – предательство первого мальчика, которого я считала всецело мне преданным.

Вторая моя привязанность оказалась совершенно иного рода и завершилась куда как более благополучным образом. В возрасте десяти лет я была сочтена домашними достаточно зрелой, чтобы отправиться погостить к веселому и добро-

му семейству, жившему в... Ну, почему бы и не сказать прямо? Жили они в Провиденсе¹. Семья эта состояла только из взрослых уже людей, которые моментально меня окружили вниманием и заботой. Все носились со мной, а в особенности один из молодых домочадцев, по имени Кристофер. И таким добрым, терпеливым и одновременно веселым был этот чудесный Кристи, что я очень скоро его присвоила, считая своим, и притом замечательным, мальчиком. Ведь именно он вытаскивал меня из бесконечных передраг, а уж развлекать и вовсе не уставал, хотя я, одержимая беспокойным нравом, постоянно что-нибудь вытворяла, держа всю семью в лихорадке тревоги. Он никогда не смеялся над моими неудачами и ошибками, не разыгрывал меня, подобно некоему Уильяму, постоянно дававшему мне всяческие обидные прозвища и, пользуясь моей дикарской доверчивостью, подстрекавшему к разным проказам. Любая моя затея находила у Кристи сочувствие и поддержку. Он позволял мне кататься на коровах, кормить свиней, барабанить по пианино, накручивать без конца ручку мельницы для специй, наслаждаясь запахами корицы и гвоздики, никогда не ругал. И казалось, дружба с маленькой мучительницей его совершенно не утомляла.

Неделю спустя развлечения этого места были мною исчерпаны, я заскучала и начала тосковать по дому. До сих пор

¹ Название этого города в штате Род-Айленд (Providence) в буквальном переводе с английского означает «предусмотрительность», «бережливость», «Божий промысел», но также – в американском варианте – еще и «бедствие». – *Примеч. перев.*

полагаю, что меня быстро вернули бы в лоно семьи либо я сбежала бы туда самостоятельно еще до исхода второй недели своего гостевания, если бы не поддержка Кристи, который истинно по-мужски и по-братски спас меня в час моего позора.

Однажды, охваченная самыми добрыми чувствами и жгучей любовью к ближнему, но при этом не отдающая себе отчета в последствиях своих поступков, я собрала в амбаре детишек местных бедняков и от души накормила их пирогом и фигами, которые щедрой рукой почерпнула без разрешения из хозяйской кладовки. Хозяевам я собиралась все объяснить позже, однако была застигнута в ходе очередного набега на запасы провизии, которые не успели еще иссякнуть моими стараниями. Терпение матери семейства лопнуло. Меня отправили на чердак поразмыслить о своих грехах и малоприятной перспективе отсылки домой с репутацией самого ужасного ребенка, которого эти милые люди когда-либо видели.

И я, усевшись уныло в чердачном своем заточении на пыльный сундучок, принялась размышлять, до чего трудны и неблагодарны правильные поступки. Ведь сколько твердят нам со всех сторон, что помогать бедным, кормить их – первейший наш долг. Именно его я исполнила, но теперь за это наказана, превратилась в изгоя, навлекла позор на свою семью.

Положение мне представлялось отчаянным. Никто нико-

гда отныне не станет любить такого плохого ребенка. «Если сюда вдруг сейчас явятся мыши и съедят меня прямо на этом самом месте, как злого епископа Гатонна из стихотворения Роберта Саути², мои друзья лишь вздохнут с облегчением», – подумала я, но в столь ужасный для себя момент услышала вдруг, как мой Кристи внизу говорит: «Нет, Фанни, я не согласен с тобой. Намерения-то у нее были добрые».

А затем мой мальчик, полный сочувствия, поднялся меня утешать. Одного взгляда на горестное мое лицо ему оказалось достаточно. Опустившись в старое кресло, он усадил меня к себе на колени, крепко обнял, и молчаливое это участие значило для меня больше самых красноречивых слов. Добрые его руки, свидетельствуя о неослабевшей дружбе, вытягивали меня на поверхность из бездны отчаяния, а в глазах его я читала, что грех мой не так ужасен, чтобы его невозможно было простить.

До его появления я и слезинки не проронила, а тут зашла от рыданий и льнула к нему, словно юнга, которого чудом спасли, сняв с обломков разбитого в шторм корабля. Никто из нас не вымолвил ни слова. Он просто крепко меня обнимал, позволяя выплакаться, пока я не уснула. Потому что, когда ливень слез иссяк, на меня снизошло умиротворение. И сумрачный старый чердак мне стал представляться чуть ли не райским убежищем, после того как мой мальчик

² Это стихотворение «Суд Божий над епископом» на русский язык переведено В. А. Жуковским. – *Примеч. ред.*

пришел туда.

Долго ли длился мой сон, не знаю, но, должно быть, не меньше часа, и, пока я спала, добрый мой Кристи ни разу не шелохнулся. Он терпеливо ждал, чтобы пробуждение в сумерках не испугало меня, и я сразу увидела его с собой рядом. А потом бережно отвел меня вниз, тихую как мышка, и весь трудный вечер оставался рядом, оберегая от насмешек и суровых взглядов, пока не настало время отправиться спать. Кристи поднялся в спальню вместе со мной, пожелал мне спокойной ночи и заверил, что ничего из сегодняшнего происшествия не дойдет до моих родных. Гнет свалился с моей души. Помню, сколь пылко начала я его благодарить, заверив в итоге, что никогда этого не забуду.

И я действительно не забыла, хотя он давно уже умер, а у остальных свидетелей той моей давней проделки она наверняка уже стерлась из памяти. За прошедшие годы я не раз задумывалась, каким образом смог он тогда безошибочно нащупать самый короткий и верный путь к сердцу ребенка. Откуда нашлось в нем столько терпения, нежности и сочувствия? Ответа нет. Лишь образ Кристи вот уже тридцать лет по-прежнему для меня жив и ярок.

Сай был моим другом два летних сезона, на протяжении которых мы будоражили соседей захватывающими выходками, умудряясь лишь чудом остаться целыми и невредимыми. Никогда больше не попадался мне мальчишка, столь одер-

жимый озорством и наделенный способностью, втягивая в переделки других, самому оставаться вне опасности. В этом он не знал себе равных.

«Ну, я же предупреждал тебя», – мог сказать он невозмутимо и назидательно, после того как я воплощала с его подачи очередную головокружительную идею.

«Спорим, тебе слабó это сделать», – подначивал Сай, осененный очередным замыслом.

Слова эти воспламеняли меня, как искра порох. Диву даюсь, как дружба с Саем не стоила мне потери конечностей, зрения, слуха, а также обоняния и осязания. Для всех свидетелей наших игр это представлялось подлинным чудом. Когда Сай подбил меня прыгнуть с самой высокой балки в амбаре, домой я возвращалась на носилках с вывихнутыми лодыжками. Доказав, что мне не слабó натереть глаза едкими красными перчиками, я на какое-то время ослепла и вопила от адской боли, а Сай заботливо помог мне доковылять до дома. И это он, побожившись, что поросята умрут, если им не отрезать хвостики, уговорил меня держать по очереди каждого из тринадцати верещащих свинок, пока сам занимался варварской экзекуцией. Память о невинно-розовых хвостиках преследует меня до сих пор, вызывая по-иудейски стойкое отвращение к свинине.

Дружба наша длилась недолго, но, будучи в известной мере родственной мне душой, Сай достоин занять место в списке моих мальчиков. Он вырос в смуглого крупного мужчи-

ну, с честью прошел Гражданскую войну, а ныне трудится не покладая рук на собственной ферме. Когда мы с ним иногда встречаемся, все попытки держаться солидно, как и положено людям взрослым, разбиваются в прах о хитрый блеск его глаз. От моей серьезности не остается следа, и мы начинаем с хохотом вспоминать былые проделки.

Огастас... О, мой Огастас... Первый возлюбленный юных лет... Самый романтичный из всех моих мальчиков. Когда я повстречала его в пятнадцать лет, мне показалось, что это моя судьба. Поводом для нашего знакомства послужило состязание для грамотеев, устроенное в школе маленького городка, во время коего я, мало кому известная гостья из большого города, оказалась объектом пристального внимания. Изрядно смутившись и от смущения напустив на себя расслабленно-независимый вид, я устроилась в уголке класса, полагая, что в своей шляпке с красными лентами, завязанными бантом у подбородка, и выставленном на всеобщее обозрение кольце с сердоликом выгляжу на редкость элегантно. Вскоре из всей пестрой массы учениц и учеников, снующих поблизости, взгляд мой выхватил молодого человека «с большими синими глазами, благородным лбом и красивым прямым носом» – именно так впоследствии я описала его сестре. Изысканность и непринужденность манер выгодно отличали его от одноклассников. Выяснив вдобавок, что он сын местного священника, я решила, что не уроню своего

достоинства и не нарушу приличий, если обращу на юношу свое благосклонное внимание.

Вообразите же «трепет, меня охвативший» (как выразилась бы Эвелин из романа мисс Фанни Бёрни «Вступление юной леди в мир»), когда он первым подошел ко мне и завел беседу, поначалу робко, а вскорости непринужденно, за коей последовало приглашение на завтрашний сбор черники. Кстати, то школьное испытание он выдержал лучше всех. Речь его отличалась точностью и изяществом. Он даже цитировал Байрона, очаровательно закатывая при этом глаза. И уж вовсе меня подкупило его намерение (после вопроса, кто подарил мне такое красивое кольцо) сопровождать меня до самого черничника.

О, какое это было блаженство – устроиться назавтра под деревом на вызолоченной солнцем пустоши, усеянной мальчишками и девочками, более или менее влюбленными, в обществе галантного Огастаса, который услужливо нагибал ко мне кустики, чтобы я милостиво отщипывала с них ягоды, пока мы вели изящную беседу. Я словно бы попала в буколический роман, чем наслаждалась безмерно. Смутная мысль, что этот милый Гас испытывает ко мне особые чувства, бродила в моей голове, не вызывая протеста, пусть даже я посмеивалась про себя и думала, не наподдать ли ему, когда он, рисуясь передо мной, фонтанировал латынью, а прощаясь возле моей калитки, вдруг с томным видом назвал мои каштановые локоны самыми прекрасными на свете.

Бедный дорогой мальчик! Он был наивен, мягкосердечен и полон мечтаний. До чего же романтические времена пережили мы с ним вместе. Катая меня по пруду на лодке, Огастас время от времени переставал грести и принимался играть на аккордеоне, и лягушки старательно подпевали его мелодиям, в то время как он пытался мне высказать своими честными голубыми глазами непроизносимое. Теперь одна мысль о сырости и москитах вызывает у меня невольную дрожь, но тогда нам все было нипочем. Мы ходили на Полин и Клода Мельнотта³ и перед моим отъездом домой поклялись хранить верность друг другу и весь год, которой Гасу предстояло провести вдали от дома, в школе, еженедельно обмениваться письмами.

Расстались мы не в слезах. Отнюдь. Подобная ерунда свойственна более позднему возрасту и недетским уже романтическим отношениям. Прощание наше прошло вполне весело и приятно. Я незамедлительно поделилась захватывающей историей своих сердечных переживаний с верной старшей сестрой. Та сама пламенела тогда от смеси пылко-возвышенных чувств, поэтому без колебаний союз наш одобрила, однако, должна признаться, наше с Гасом пламя горело не слишком жарко.

Я не получала от него писем каждую неделю и ничуть из-

³ Имеется в виду пьеса английского романиста и драматурга Эдварда Бульвер-Литтона (1803–1873) «Лионская красавица» (1838), героиня которой, Полин Дешапель, влюбляется в сына садовника Клода Мельнотта и ради него бросает маркиза Босеана. – *Примеч. перев.*

за того не расстраивалась, хотя фотография его для меня по-прежнему кое-что значила. Время от времени вспоминая о ней, я смотрела на нее и вздыхала. Впрочем, письма все-таки приходили. В них сообщалось, что он целиком и полностью посвящает время учебе, чего и следовало ожидать от такого амбициозного юноши.

Я уже полагала, что новые встречи нам не суждены, однако вскоре после конца учебного года он, к моему удивлению, появился. Визит его поверг меня в невиданный трепет, толкнув на глупость, о которой я до сих пор вспоминаю со смехом. Зная, как ему нравятся мои каштановые кудри, я вдруг одним махом вытащила из волос все гребенки, чтобы воспламенить возлюбленного зрелищем своей артистической встрепанности, и в таком виде сошла к нему вниз по лестнице.

Вместо прежнего Гаса мне навстречу шагнул высокий джентльмен с касторовой шляпой в руке. Такой красивый, взрослый и внушительный, что я на какое-то время оторопела, внутренне сокрушаясь об утраченных гребнях и ощущая себя без них неопрятной простушкой.

Посчитал он меня немножечко чокнутой или нет, не знаю, но встрече явно обрадовался, держался располагающе мило, посвятил в свои планы и сказал, что очень надеется на мой новый приезд в его родной город, с мальчишеским тщеславием оглаживая свою шляпу и, словно бы невзначай, поворачиваясь таким образом, чтобы я хорошо могла разглядеть

его фрак.

Намеков на наши скромные чувства Гас из стеснительности избегал, и я за это благословляла его, ибо боялась на них опрометчиво откликнуться или от волнения странно себя повести. Лишь перед самым уходом Огастас, забыв о драгоценной шляпе, простер ко мне руки и с прежним своим, искренним, мальчишеским смехом спросил: «А когда ты приедешь, мы будем снова кататься на лодке и собирать ягоды? Да?»»

Синие глаза его засияли прежним весельем и прежним чувством, а я, занавесив покрасневшее лицо растрепанными локонами, пообещала из-за этой завесы, что приеду, но обещания своего, увы, не исполнила. Мне не пришлось ехать в те края, потому что возлюбленного моего там больше не было. Он умер от лихорадки, вызванной чересчур усердной учебой, всего через несколько недель после визита ко мне.

Потом я много лет жила без мальчиков, но занята была настолько, что обездоленной себя от этого не чувствовала до самой войны⁴, когда, работая в госпитале, повстречала юного сержанта. Его история мною изложена в другом сочинении, поэтому здесь лишь скажу: малыш Би до сих пор жив и здоров. Время от времени я получаю от него письма. В них он со мною делится планами на будущее, прося ино-

⁴ Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов между Севером и Югом, положившей конец рабству в США. – *Примеч. перев.*

гда совета, и радуется рассказами о все новых своих успехах в бизнесе, который ведет в Канзасе.

Но вот война кончилась, и не успела я прийти в себя после нее, как, словно бы в компенсацию за утрату Огастаса, судьбе оказалось угодно излить на меня целый ливень мальчиков, с иными из коих, разумеется самыми лучшими, мне посчастливилось подружиться. Хотя и очень юные, все они были тем не менее подлинными джентльменами, и мы замечательно проводили время, взбадривая старый городок энергичным своим присутствием.

Один из них, назовем его У., крепко сбитый, приятный юноша, относился к числу тех натур, которые, замерев посреди земляничной поляны, позволяют вам накормить себя ягодами, которые вы собираете, а сами и рук из карманов не вынут. Очаровательный шалопай Б. являлся ко мне раз в неделю, бил себя в грудь, каясь в грехах и клянясь самыми страшными клятвами исправиться, чтобы на следующей же неделе беззаботно, весело и легко нарушить все до единого зарюки. С. представлял собою верзилу, наделенного нежнейшим сердцем. Д. был типичным денди. Еще один Б. – воплощением разума и серьезности. Е. – рыцарем без страха и упрека.

Сильнее других из этой когорты привлекал меня А. Стеснительность заставляла его держаться со всеми так гордо, холодно и неприступно, что я далеко не сразу смогла разглядеть за этой броней благородное, нежное, совестливое и от-

звивчивое существо.

Спасибо Диккенсу, сочинившему рождественскую фантазию «Одержимый, или Сделка с призраком». При постановке спектакля по ней для школьного праздника А. мне и раскрылся. Я обнаружила, до чего славен мой Дольфус (да позволит мне благосклонный читатель назвать его именем диккенсовского героя, ибо эту роль А. как раз и исполнял). До чего же мы наслаждались, играя забавные и трогательные сцены вместе с целым роем маленьких Тетерби, снующих вокруг нас. С этого дня он стал моим Дольфусом, а я – его Софи (моя роль в спектакле). Мой золотоволосый друг доньше меня не забыл, хотя связал свою жизнь с куда более юной, чем я, Софи. И они растят нескольких собственных маленьких Тетерби. Он по-прежнему пишет мне добрые письма, но я, увы, чересчур занята и очень редко на них отвечаю.

И наконец, расскажу о мальчике, который стал мне дороже всех. Был он поляком. Звали его... Икните два раза и один раз чихните, только так и сумеете выговорить с идеальной четкостью имя его и фамилию – Ладислас Вишневский. Наше знакомство состоялось шесть лет назад в одном из пансионатов швейцарского городка Вэве. Спустившись однажды к раннему завтраку, я увидела вновь прибывшего постояльца – высокого молодого человека лет восемнадцати – двадцати, явного иностранца, сразу же обращающего на себя внимание необычайно изящными и вежливыми манерами.

По мере того как мы, обитатели пансиона, по одному заполняли столовую, дверь в нее оставалась распахнутой, и из каменного коридора весьма ощутимо тянуло холодом. Незнакомцу досталось место недалеко от выхода. При каждом новом порыве сквозняка бедняга зябко ежился и покашливал, кидая тоскливые взгляды на теплый угол у печки. Мое место располагалось как раз возле нее, пышущий жар раздражал меня, поэтому я поспешила воспользоваться возможностью пересечь туда, где прохладнее.

Хозяйка, мадам Водо, моментально вняла моей просьбе, обмен местами состоялся, и уже за обедом наградой мне стала благодарная улыбка незнакомца, лицо которого даже разрумянилось от удовольствия, когда, усаживаясь за стол, он ощутил, до чего ему теперь тепло и уютно. Мы сидели слишком далеко друг от друга, чтобы завести разговор, однако, наполнив бокал, молодой человек отвесил поклон в мою сторону и тихо проговорил по-французски: «Ваше здоровье, мадемуазель».

Я ответила тем же. На лицо его вдруг легла тень, и он покачал головой, обнаружив, что здоровье – предмет для него весьма серьезный.

Он, определенно, болен и нуждается в заботе, решила я, за ним надо приглядывать. И окончательно в этом убедилась, когда ближе к вечеру встретила его на прогулке. Он при виде меня улыбнулся, коснувшись рукой козырька фуражки. Тут я заметила, что его сине-белый костюм выглядит по-военно-

му, и – в силу своего пристрастия к героическим юношам в синей форме северян – заинтересовалась им еще больше. Когда же выяснилось, что он участвовал в недавнем Польском восстании⁵, к интересу добавилось уважение.

В тот вечер он подошел ко мне в гостиной выразить благодарность на самом очаровательном ломаном английском, который я когда-либо слышала, и держался с такой подкупающе благородной простотой, что я решилась задать ему несколько вопросов и с их помощью выудила из него такую впечатляющую историю.

Вместе с друзьями по университету он сражался на стороне восставших, когда же дело их потерпело крах, покаяние считал для себя позором, предпочтя конфискацию имущества и тюрьму. Теперь, в двадцать лет, он был беден, одинок, серьезно болен и пытался преодолеть смертельный недуг.

Полчаса подобного разговора – и мы уже ощущали себя давними и близкими друзьями.

– Если удача поможет убрать из моей груди дрянь, стану в этой гостеприимной стране заработать на жизнь учителем музыки, – начал делиться он своими планами. – Мои друзья, их двое, нашли убежищ в Париж. Весной к ним поеду, только надо не умереть, пока здесь зима. Да, одиноко. И невеселый воспоминание. Но у меня есть своя работа. И добрый Бог всегда со мной. Я им утешен и ждать.

⁵ Польское восстание 1863–1864 годов имело целью восстановление Речи Посполитой и ее отделение от Российской империи. – *Примеч. перев.*

Отвага его и неподдельное благочестие усилили мое расположение к нему, заставив им восхищаться, а он продолжал рассказывать о пережитом, каждой новой историей укрепляя во мне это чувство. И когда поведал он мне, как казаки застрелили на рыночной площади пять сотен поляков только за то, что те пели национальный гимн, я попросила:

– Сыграйте, пожалуйста, мне эту запретную мелодию.

Что пианист он хороший, мне было уже известно. Слышала однажды, как он упражнялся на фортепьяно.

В ответ на просьбу мою он поднялся из кресла, окинул пристальным взглядом гостиную и пожал плечами. Я спросила его, в чем дело.

– Глядел убедиться, нет ли барон, – ответил он мне. – Он русский. Наш гимн ему может стать неприятным чувством.

– Играйте. Здесь он не посмеет вам этого запретить, – подбодрила я, предвкушая близкое наслаждение маленькой местью врагу, так как все, связанное с деспотией России по отношению к Польше, вызывало во мне сильный протест.

– Ах, мадемуазель, – выдохнул он. – Мы с ним и правда враг. Но мы также джентльмен, – добавил он с таким видом, какой может быть свойствен и впрямь только истинно благородной натуре.

Я поблагодарила его за этот урок, но, так как русского джентльмена нигде поблизости не обнаружилось, поляк все же сел за рояль и, мастерски себе аккомпанируя, принялся петь гимн своей многострадальной отчизны. Глаза его сия-

ли. Лицо светилось. О больных легких он явно в этот момент забыл, и голос его звучал так чисто и сильно, будто утраченное здоровье разом вернулось к нему.

Этот вечер сделал отношения наши предельно доверительными. Помня о героических юношах своей родины, я открыла навстречу ему сердце, а он, занесенный судьбой на чужбину и обреченный на одиночество, отвечал мне все большей привязанностью и дарил радость общения с ним.

Настояв, чтобы я звала его Варьо, как мама, он превратился в вечного моего спутника, откликавшегося на любое мое желание, занимался со мной французским, и недели, которые я прожила в пансионе, стали для меня благодаря пленительной дружбе с ним замечательным временем.

От наших уроков оба мы получали огромное наслаждение. Я помогала ему с английским, и, благодаря огромному его интересу к свободной Америке, а также настойчивому стремлению как можно больше узнать о нашей войне, языковой барьер между нами достаточно быстро рухнул. И хоть говорили мы – он по-английски, а я по-французски – по-прежнему довольно коряво, это не мешало нам прекрасно ладить и понимать друг друга. Больше того, Варьо в языковых успехах меня значительно обошел, и ему все реже приходилось хлопать себя с досадой по лбу, восклицая: «Ах, я идиот! Нет во мне сил одолеть этот зверь английский!» Он смог найти в себе силы и месяц спустя прибавил к пяти известным уже ему языкам еще один.

Игра его на фортепьяно пленяла весь пансион. Он часто давал нам концерты, иногда в четыре руки с мадам Тейблин, немолодой, коротко стриженной женщиной в платье мужеподобного кроя, галстуке и воротничке, смахивающей на образ святой Цецилии. К музыке оба они относились страстно, по мере игры все сильнее вдохновлялись. Банкетки под ними поскрипывали, пламя свечей в канделябрах, танцуя, ложилось бликами на их лица, а четыре белые руки, носясь по клавиатуре, дарили слушателям чарующие звуки. Восторг мой иногда доходил до той степени, когда исполнители и рояль словно перестают существовать и кажется, будто волшебные мелодии, сама гармония нисходят на тебя прямо с небес.

Озеро Леман никогда после не было для меня столь прекрасно, как во время наших с Ладди блужданий по его берегам или катаний по волнам в лодке. А до чего хорош был залитый солнцем сад при старом шато. Сколько чудесных планов мы с Ладди строили там. Я снова наведалась туда в прошлом году, но волшебство исчезло без моего мальчика, с его музыкой, очарованием и трогательной преданностью долговязой старой деве, которую он упорно именовал своей «маленькой мамочкой», на что та отвечала ему любовью полудюжины бабушек, вместе взятых.

В садах распустились тогда морозники, называемые еще рождественскими розами, и к каждому обеду Ладди не забывал приготовить мне букетик. А вечера редко обходились у нас без откровений, которыми мы обменивались в моем

уголке гостиной. До сих пор храню стопку веселых его записочек. Я находила их подсунутыми под свою дверь. Он называл их набросками к главам великой истории, что мы с ним вместе потом напишем. Романтические записки, азартно проиллюстрированные выразительными картинками.

Все это было прекрасно, но, увы, незаметно подкралось время моего отъезда в Италию. Мы, бодрясь, назначили встречу в Париже, хотя оба на самом деле подозревали, что вряд ли когда-нибудь снова увидимся. Ладди не слишком рассчитывал пережить зиму, а я полагала, что он меня скоро забудет. Когда мой мальчик, целуя мне на прощание руку, с наигранной беззаботностью произнес: «Бон вояж, моя дорогая маленькая мама! Заметьте, я не сказать „прощай“, а только „до встречи“», – я заметила в его глазах слезы.

А затем экипаж унес меня прочь, задумчивое лицо его исчезло из виду, и мне осталось на память лишь крохотное пятно на перчатке, там, где на нее упала его слеза.

Шесть месяцев спустя, когда поезд мой подъезжал к Парижу, я боялась мечтать о встрече в этом большом, беззаботном, веселом городе с моим Варью и все же очень надеялась на нее. «Есть ли хоть крохотный шанс, что этому суждено случиться?» – размышляла я, даже в лучших своих предположениях не в силах предоставить себе, насколько скоро сбудется мое чаяние. Сбитая с толку, усталая, охваченная тоской по дому, я протискивалась сквозь толпу пассажиров, хлынувшую из вагонов на платформу вокзала, когда вдруг

заметила, как кто-то, высоко воздев руку над головой, размахивает сине-белой фуражкой. Он первый увидел меня. Лицо его просияло. Миг спустя Ладди уже стоял рядом, так сердечно сжимая мне руки, что от моей тоски по дому не осталось следа.

– Ага! Вот маленькая мама, которая даже не думать о встрече новой с плохим своим сыном! Да! Я ужасно рад устроить вам этот отличный сюрприз, сразу как вы приехали утомленно в такое вот королевство шума. Отдайте мне свой билет, и я, по-прежнему вам слуга покорный, пойду за поиском ваших чемоданов.

Он получил мой багаж, усадил меня в карету, и, когда мы лихо покатали прочь, я поинтересовалась, каким образом удалось ему столь неожиданно меня встретить. Варьо с победоносным видом мне объяснил. Никакой неожиданности. Зная, где я собиралась остановиться, он постоянно туда наведывался, пока хозяйке отеля не стал наконец известен день моего приезда. Так вот и смог он с поистине мальчишеским азартом преподнести мне «отличный сюрприз».

Я, радуясь его веселью и более здоровому виду, спросила:

– Вам лучше?

– Моя очень искренняя надежда, что да. Зима была ко мне добра. Кашляю я гораздо меньше. Крохотная надежда. Нельзя прогонять ее грустью. Поэтому я ее берегу с веселым лицом. И есть сила работать. Даже малость скопил у себя в кошелечке. Достаточно, чтобы в последний путь за свой счет

отправиться, если вдруг снова ухудшусь до скорой кончины.

Я, не желая о таком слышать, торопливо его заверила, что он выглядит до того хорошо, словно вдобавок к здоровью неожиданно получил огромное состояние.

– Так и есть, – засмеялся он, отвесив изысканнейший поклон в мою сторону. – Вы появились, и это праздник. И друзья мои здесь со мной. Юзеф и Наполеон. Бедные как церковные мыши – так вы, кажется, говорите про всяких таких, но очень храбрые. И мы вместе весело совершаем каждый свою работу.

Я спросила, найдется ли у него время стать моим гидом. Он, подскочив от избытка чувств на сиденье, объявил, что как раз собрался устроить себе небольшой отпуск, так что мы с ним совершим множество интереснейших, очаровательных и веселых экскурсий. Ничего лучшего я не могла себе и представить, так как за краткое время, которое проведу здесь, хотела по возможности ближе свести знакомство с замечательным этим городом.

Довезя меня до гостиницы и устроив там, он, окрыленный ближайшими нашими планами, беспечно направился на противоположный берег реки, где, как я потом обнаружила, жил в очень скверном месте. А на следующий день начались самые прекрасные две недели за все годичное мое путешествие.

Ладди пришел ко мне ранним утром, подчеркнуто элегантный, в новой шляпе и новых желтых перчатках из кожи

буйвола, и был немало позабавлен докладом коридорного, сообщившего мне, что прибыл мой взрослый сын.

Полагая, что женщина по приезде в Париж должна первым делом обзавестись новой шляпкой, я за ней и направилась вместе с Варьё, а вернее, стояла рядом, когда мой «взрослый сын» на отменном французском беседовал с модисткой, пока не выбрал самый, по его мнению, подходящий мне головной убор, весьма шикарный, но слишком для меня дорогой.

– А-а, следует совершить свою экономию, не правда ли? – До него тут же дошла причина моего замешательства. – Тогда попытайте вот это. – Уже был присмотрен им вариант куда более щадящей стоимости. – Полагаю, берем? Жемчужный цвет и роза из крепа очень подходят для наш эlegantный воскресный прогулка.

Боюсь, под натиском проникновенных его уговоров я согласилась бы даже на шляпу цвета зеленого горошка, оснащенную желтым пером. Однако вкус он проявил отменный, и обновка жемчужного цвета отправилась ко мне в гостиничный номер ожидать завтрашнего вечера, когда мы с Ладди, Юзефом и Наполеоном отправимся на концерт в сад Тюильри.

После шляпного магазина Варьё повел меня осматривать достопримечательности. Гидом он оказался великолепным, город очаровал меня, обед в кафе был превосходен, и даже первый, коротко брошенный взгляд на Лувр оставил меня

переполненной впечатлениями. За ужином я обнаружила у своего места букетик цветов, затем появился и Ладди. Он провел со мной целый вечер, то играя мне на рояле, то забавляя тем, что сам называл «разнообразной приятностью болтовни», из коей я среди прочего узнала о новом его занятии. Он взялся за перевод с английского на польский «Ярмарки тщеславия» Теккерея, который хотел опубликовать у себя на родине, и поверг меня в хохот своими попытками перевести говор лондонских кокни и прочие просторечия с помощью изысканно правильных оборотов польского литературного языка. Впрочем, Ладди как раз и надеялся на мою помощь, приготовив огромный список слов, которые я должна была ему объяснить. Помню, что среди них фигурировали «стог сена» и «горшок для варки фасоли». Выяснив наконец значения всех озадачивших его оборотов, обессиленный Варьо упал на диван.

В те дни нашим прогулкам и приключениям сопутствовали прекрасная солнечная погода и столь же лучезарное настроение. Мы вели упоенно счастливую жизнь, и то обстоятельство, что я на добрых двенадцать лет его старше, позволяло нам избегать косых взглядов. Поэтому я бесстрашно ходила везде, опираясь на руку «своего старшего сына». Везде, кроме театров и балов, ибо душные, жаркие помещения были Ладди вредны. Зато как упоительно проводили мы время, гуляя за городом или тихо бродя по городским садам, слушая музыку при свете луны на Елисейских Полях

или устроившись в уютной красной гостиной моего отеля, где Ладди перемежал наши длинные разговоры своей чудесной игрой. Газовый свет в такие часы там был приглушен, а с балкона мы могли наблюдать вечно меняющуюся жизнь улицы Риволи.

Никогда еще удовольствия не приобретались столь дешево, принося тем не менее так много радости. Кошельки наши были легки, сердца счастливы, и необходимость экономить лишь придавала остроту нашим ощущениям.

Когда к нам присоединялись Юзеф с Наполеоном, я будто бы вновь попадала в общество отважных мальчиков – инвалидов Гражданской войны. Наполеон все еще хромал из-за раны, полученной во время восстания, Юзеф не мог до конца оправиться после австрийской тюрьмы, а верность Ладди своему долгу все еще грозила отнять у него жизнь.

Юзеф с Наполеоном открыли мне глаза на шутку, которую сыграл со мной шалопай Варьо. Объяснив мне однажды, что польское «ма дрога» значит то же самое, что «дружище», он попросил меня так к нему и обращаться. Я ничего не имела против, а ему это доставляло явное удовольствие, вплоть до задорного блеска в глазах. Стоило мне, однако, назвать Ладди «ма дрогой» при двух его друзьях, как я по застывшим их, озадаченным лицам почувствовала неладное, осведомилась напрямую, в чем дело, и получила ответ, что слово это означает не «дружище», а «мой любимый», с самым причем интимно-нежным оттенком.

Как же втроем надо мной потешались эти негодяи! Как тщетно пыталась я сохранить достоинство! И как, сложив в мольбе руки, просил прощения у меня Ладди, объясняя, что шутки необходимы ему для здоровья! Поняв однако, что сам он не собирался мне объяснять значение коварного слова, я отплатила ему парой-другой неправильных переводов английских выражений и не сознавалась в своем коварстве до самого отъезда из Парижа.

Однажды, во время прогулки по затейливому Люксембургскому саду, веселый мой Варьо поведал мне вдруг историю, из которой я выяснила, какую сильную боль таит его сердце. В Польше была у него кузина. Едва он заговорил о ней, как лицо его больше слов мне сказало, сколь трогательно-романтические отношения их связывали. Передать этот рассказ в доподлинных выражениях моего мальчика не могу, но факты таковы.

С хорошенькой кузиной они вместе росли. Восемнадцатилетним Ладди влюбился в нее без памяти, она отвечала ему взаимностью, но связать свои жизни им не удалось. Отец прочил девушке более богатого жениха, а выйти замуж без родительского благословения в Польше считалось несмыслимым позором. И Леонора уступила родительской воле, а охваченный отчаяньем Ладди ринулся сражаться на стороне восставших.

– Ты получаешь от своей кузины какие-нибудь весточки? – поинтересовалась я, когда он шагал со мной рядом,

обращая грустный взгляд вглубь зеленых аллей, где короли и королевы любили и расставались много лет назад.

– Я только знаю, что она до сих пор страдает и ничего для нее не покрылось забвением. Ее муж служит русским. Мне он так презрителен... что не хватает английского слова выразить, – проговорил Варьо, сжав кулаки. Лицо его вспыхнуло. В глазах сверкнула ярость. Но даже гнев не лишил его красоты.

Он с тяжким вздохом извлек из кармана выцветшую миниатюрную фотографию, протянул мне, а сам замер, приклонив голову к мраморному пьедесталу одной из статуй, охранявших дорожку, и, похоже, испытывая желание самому превратиться в мрамор. Я, как могла, принялась утешать его. Он резко выпрямился. Фотография была снова убрана в карман, а вместе с ней запрятана глубоко в сердце горечь. Больше я от него на сей счет ни слова не слышала. И ни разу больше при мне на лицо его не ложилась эта трагическая тень. Даже когда мы прощались перед моим отъездом.

– Мне так было чудесно с вами, Ладди. Жаль, у меня нет ничего прекрасного вам в подарок, – сказала я, чувствуя, как трудно мне станет жить дальше без моего мальчика.

– У нас с вами уже не до свидания, – ответил мне он, – а навсегда расставание. И лучший мне сувенир от вас будет милый английский «прощай».

Во взгляде его сквозило отчаяние, словно ему представлялось невыносимым лишиться даже такого скромного дру-

га, как я. Сердце мое разрывалось. Не обращая внимания на нескольких чопорных английских леди, я притянула Варью к себе и нежно поцеловала. Мне тоже ведь было понятно, что встретиться нам в этом мире, по-видимому, никогда больше не доведется. А затем я убежала в пустой еще вагон и там крепко прижала к груди маленький флакончик духов, который мой мальчик мне подарил.

Пообещав мне писать, он в течение пяти лет держал слово, отправляя мне из Парижа и Польши удивительно яркие, веселые и выразительные письма. На английском, как я и просила его, надеясь, что благодаря этому он не забудет язык. Вот одно из них.

Мой дорогой добрый друг!

И что же Вы мыслите обо мне, когда я негодяйски так долго Вам не писал?

Простите меня, дорогая мама, но дни были такие занятые, что не выходила возможность себя посвятить приятному столь занятию. Пишу по-английски без страха Ваших насмешек. Вам ведь наибольшее удовольствие прочитать от меня на своем родном языке, и я в этом для вас стараюсь. И слышу, как Вы отдадите мне похвалу, а в то же время смеетесь. Потому что, когда с ошибками выражают любовь и уважение, это смешно. Но я все равно выражаю.

Вы не имеете представления, как скучен Париж без Вас! Я спасен только работой. И никаких развлечений.

Они одному бессмысленны. С грусти я привязал себя к своему столу и своему «Тщеславию», не к своему, конечно, я-то совсем без тщеславия, а к той самой книге. Мечтаю, чтобы главы романа начали как-нибудь переводиться сами собой, тогда бы я поскорее отправил их в Польшу попытать удачи своей надежды. У меня к Вам один маленький вопрос, ну как всегда о «Ярмарке». Не выходит перевести, и ни в одном словаре не находится. Моя догадка, что этот кусочек – тюремный жаргон. Читайте сами:

Mory, is that your snam?

Nubble your dad and gully the dog, & c.

На такие смешные вещи моего понятия нет, поэтому отправляю Вам. Тем более Вы быстрее отвечаете, когда у меня вопросы. Благодаря любезному интересу, не откладываете в долгую коробку – так, кажется, называется? – свое письмо. Мои незнания – это для Вас маленький крючок, чтобы очень скоро черкнуть хоть немного строк своему сыну, который так к Вам привязан.

Мой доктор сказал, мои легкие скоро восстановятся. Имеете представление, как я рад! Теперь храбрее могу смотреть в будущее. Возможно, Вы даже увидите своего Варьо в Америке, если решу, как мечтаю, изучать коммерцию. Тогда наша последняя встреча станет совсем не последней. Это Вас радует? Ваша большая книга написана? Если да,

отправьте ее через М. Гроховски, Австрия, а он тайно мне переправит в Варшаву. Именно так. Иначе глупые русские конфискуют ее на границе.

Сейчас мы раскиданы друг от друга на два края мира. Скоро я отправляюсь в Польшу и больше не буду «вечным скитальцем». Пора начинать работу над продуктивностью своей жизни, и я постараюсь.

Так как я Вам взрослый сын, мне полагается сделать Вам пожелание на счастливое Рождество и Новый год. Желаю для Вас такого так много, чтобы хватило на длинные годы. И пусть новый год принесет Вам очень большое число хороших сердец, которые Вас полюбят (единственное настоящее счастье в нашей тяжелой жизни)!

Теперь и навечно Ваш

Варьо

Год назад он прислал мне свою фотографию и несколько строк. Я отправила ему письмо, но ответа не получила – ни сразу, ни после. Очень боюсь, моего славного мальчика больше нет, а другие мне не нужны. Место Варьо принадлежит в моем сердце только ему, всегда для него свободно и ожидает его, если он жив. Если же умер, я счастлива, что мне дано было узнать столь милого и отважного молодого человека. Жизнь моя без знакомства и дружбы, пусть очень краткой, но близкой, с этим скромным польским героем оказалась бы гораздо беднее. В память о нем, самом дорогом из всех моих мальчиков, храню его засушенную рождественскую розу.

Ну и в заключение стоит добавить, что Ладди стал прототипом Лори из моих «Маленьких женщин», который похож на моего «взрослого сына» в той мере, в какой беглый набросок пером и чернилами способен отобразить живого, любящего мальчика.

Сюрпризы Тессы

I

Двенадцатилетняя Тесса сидела возле очага, ожидая, когда вернется с работы отец. Младшие дети уже крепко спали. Вчетвером на широкой, занавешенной пологом кровати. Сильный ветер стучал по оконным стеклам хлопьями снега. Пламя в очаге едва теплилось, не прогоняя стылости из просторной комнаты. Даже у самой каминной решетки Тессе было холодно, и пальцы ног ее, выглядывавшие наружу из прохудившихся, ветхих ботинок, оставались ледяными.

Отец ее, штукатур-итальянец, человек добрый и честный, при всем старании зарабатывал очень мало. Мама не так давно умерла. Малыши остались на попечении Тессы. Она, как могла, опекала их, проявляя любовь и сноровку, достойную взрослой заботливой женщины, но каких же усилий стоило ей содержать эти маленькие тела в сытости и тепле, а души – в довольстве и радости. Временами Тесса чуть не сходила с ума от забот, но, как бы она ни уставала за день, отца по возвращении с работы неизменно ждали горячий ужин, огонь в очаге и приветливая улыбка на лице любимой дочери.

Когда малыши засыпали, а к приходу отца уже все было готово, она, тихо устроившись у очага, размышляла обыч-

но о своих трудностях и строила планы на будущее. Отец ведь многое оставлял на ее усмотрение, а друзьями она могла назвать только Томмо, мальчика-музыканта, жившего в том же доме, этажом выше, да сверчка в каминной трубе. Сегодня лицо Тессы было сосредоточенно сверх обычного, а взгляд красивых карих глаз на огонь выдавал крайнюю задумчивость, которую лишь подчеркивали сведенные к переносице брови. Она решала, как справиться с очень важной задачей. И вовсе не собственная изношенная одежда и даже не прохудившиеся ботинки сейчас ее волновали, и не пустой шкаф, не рваная одежда мальчиков. Нет, в доброй ее голове родился прекрасный план, и она напряженно соображала, каким образом сможет осуществить его.

Дело тут, видите ли, заключалось вот в чем. Через неделю наступало Рождество, к которому Тесса решительно вознамерилась наполнить чулки малышей подарками, как это делала мама, пока была с ними и они жили гораздо лучше теперешнего. Но замысел Тессы требовал денег, а в кармане у нее не было ни гроша. И у отца не попросишь. Все его заработки без остатка уходили на еду, обогрев и оплату жилья.

«Ах, если бы и впрямь существовали феи, какое было бы это счастье! Ведь мне бы тогда оставалось только поведать им свои мечты – и хоп! Все эти прекрасные подарки оказались бы у меня на коленях, – говорила себе Тесса. – Но фей, к сожалению, не существует, и для подарков нужны деньги. Дать мне их некому, попрошайничать – вот такая я глупая и

стеснительная – не могу, да и не умею, а значит, единственный выход – их заработать. Я должна, должна найти способ, чтобы у малышей получилось хорошее Рождество!» – и Тесса так энергично подергала себя за длинные волосы, словно это помогло бы ей что-то придумать.

Но ничего путного в голову не приходило, и на сердце у Тессы делалось все тяжелее и тяжелее. Ужасно несправедливым казалось ей, что в огромном городе, полном прекрасных вещей, ни одной, даже самой крохотной, не достанется бедным Ноно, Зепу и Сперанце. Первые слезы горечи и бессилия уже оросили смуглые щеки девочки, когда сверчок зачирикал вдруг свою песенку. Песня его была без слов, однако с волшебной ясностью фейских благодеяний указала Тессе путь к желанной цели. Не успел он пропеть и дюжины пронзительных нот, как Тессу осенила идея столь замечательная, что она захлопала в ладоши и рассмеялась: «Именно так я и сделаю! Именно так. Если отец, конечно, позволит, – обратилась она с улыбкой к огню в очаге. – Томмо рад будет взять меня с собой, чтобы я пела на улице под аккомпанемент его лиры. Песен я знаю много и, если не испугаюсь, вероятно, смогу ими заработать. Люди кидают ведь деньги даже девочкам, которые просто играют на тамбурине⁶. В общем, попробую. Выйдет – значит, смогу устроить малышам веселое Рождество».

План этот Тессу настолько разволновал, что, не в силах

⁶ Тамбурин – продолговатый барабан цилиндрической формы. – *Примеч. ред.*

ждать ни секунды, она ринулась вверх по лестнице к Томмо. Друга ее предложение воодушевило. Пение Тессы ему всегда нравилось, и мальчик был уверен, что оно принесет им заработок.

– Только учти: на улице снег, холодюга. Ветер кусает. Руки от мороза стынут. Прохожие сердитые. К ночи до смерти устанешь. А ты, Тесса, еще такая маленькая. Боюсь, тебе трудно придется, – счел своим долгом предупредить ее друг, жизнерадостный четырнадцатилетний черноглазый мальчик, под старой курткой которого билось самое доброе сердце на свете.

– Ну и пускай холод, пускай мороз и ветер! Пусть люди сердитые. Лишь бы добыть денег, – ответила Тесса, которую с таким верным спутником никакие трудности не пугали.

Поблагодарив Томмо, она поспешила домой готовиться к завтрашней вылазке, убежденная, что отец – может быть, и не слишком охотно – разрешение на нее даст.

Первым делом ей предстояло понадежнее заткнуть дыры в ботинках. Поневоле приобретенный довольно давно уже опыт позволил ей быстро справиться с этой задачей, вслед за чем она привела в порядок единственное свое платье, приготовила выдавшие виды капор и шаль покойной мамы, выстирала платьице Ранцы, чтобы та завтра смогла одеться в чистое, и приготовила на столе все, что потребуется домашним для завтрака. Томмо ведь выходил на улицу в очень ранний час, и Тесса не хотела его задерживать. Будь ее воля, она и

кровать бы заранее застелила, и детей бы одела; но так как проделать до утра и то и другое не представлялось возможным, она начала вспоминать все песни, которые знала.

Выбрав в итоге шесть самых красивых, она на пробу пропела их от души нежным, чистым голосом, и настолько проникновенно и хорошо, что малыши заулыбались во сне, а усталое лицо возвратившегося после дня тяжелых трудов отца озарилось удовольствием. Ибо старшая дочь была для Пьетро Бенари самым большим счастьем в нелегкой жизни, его сверчком на печи; и когда она поделилась с ним своим планом, он, покачав головой, подумал сперва, что затея ее никуда не годится, но потом все же сдался настойчивым мольбам. И Тесса отправилась спать, чувствуя себя самой счастливой девочкой в Нью-Йорке.

Наутро светило солнце, но ветер дул холодный, пронизывающий, и улицы были покрыты толстым слоем снега. Тесса, едва проводив отца, заметалась по комнате. Требовалось как можно скорей привести все в порядок, а на прощание сообщить малышам, что она уходит на целый день и в ее отсутствие они должны слушаться соседку, маму Томмо, которая позаботится об огне и обеде. Это была очень добрая женщина, и Тессу она любила, а потому с удовольствием взялась ей теперь помочь. Ноно и Джузеппе, чаще называвшийся Зепом, пристали к сестре с вопросами, выпытывая, куда это она собралась, а Ранца и вовсе расплакалась, обиженная, что ее не берут с собой. Тесса утихомирила их обещанием, что,

если они будут умниками, то через неделю всё сами поймут и это доставит им удовольствие, после чего малыши ее наконец с прощальными поцелуями отпустили.

И вот началось путешествие с Томмо. Сердце у Тессы от волнения бешено колотилось. Томмо, повесив за спину лиру, протянул девочке руку. Рука был грязноватой, но внушала такую уверенность, что Тесса с надеждой вцепилась в нее, а кроме того, друг поддерживал ее ободряющими взглядами.

– Сначала пойдем в кафе, где куча французов и итальянцев завтракают. Им очень нравится музыка, и они часто дают мне глотнуть горячего кофе. Я очень люблю его. Тебе тоже дадут глотнуть, а может, даже монетку получишь. Народ там добрый, – сообщил Томмо, шагнув вместе с ней в просторное дымное помещение, где ело и пило за столиками множество людей. – Ты только не робей. Выдай-ка им как следует «Прекрасную Монику». Увидишь, они от души посмеются, – шепнул ей Томмо, уже настраивая лиру.

Тессу от робости подмывало пуститься в бегство, но, вспомнив про рождественские чулки и свой план, она приказала себе не сдаваться. А тут еще пожилой француз за одним из столиков улыбнулся ей и кивнул, и она вдруг с удивлением обнаружила, что уже поет. И хоть голос ее дрожал, а лицо все сильнее краснело, ей удалось, опустив взгляд на ботинки, допеть до конца. Людям это доставило удовольствие. Они смеялись. Песня действительно ведь была очень веселой. Толстый француз вновь кивнул ей приветливо. Она при-

нялась за новую песню. А потом еще за одну, и с каждым разом пела все лучше и лучше, да и Томмо прекрасно аккомпанировал ей, то и дело нашептывая: «Да, распрекрасно все получается. Убежден, что и денежку нам дадут, и благословенного кофе».

И он оказался прав. По окончании маленького концерта сразу несколько монет зазвенело в кепке, протянутой Тессой, а пожилой толстый француз, усадив музыкантов рядом с собой, заказал для них кофе и булочки с маслом.

Тесса была совершенно покорена оказанным им приемом и, когда они вышли из кафе, сказала Томмо:

– Как они были добры! Мне это очень понравилось. Теперь я поняла, что петь совсем нетрудно.

Но друг ее покачал кудрявой головой:

– Я просто нарочно сперва привел тебя туда, где полегче. Здешним завсегдатаям нравится слушать музыку, а сверх того у нас с ними одни корни. Вот погоди. Дойдем до больших домов, и поймешь, что там дела у нас пойдут уже не так хорошо. Там люди либо очень заняты, либо вообще равнодушны и к лире, и к песням. Так что не радуйся прежде времени. Заработали-то мы с тобой пока только двенадцать монеток, и нам предстоит еще долгий путь.

Тесса чуть сбавила шаг, потеряла замерзшие руки и, гадая, как там, дома, дела у ее малышни, двинулась в странствие по огромному городу. До полудня заработок их почти не прибавился. Люди куда-то очень спешили, им явно было не до музыки, тем более что ее почти заглушал громкий звон бубенчиков на упряжи лошадей. Когда Тесса и Томмо останавливались на больших площадях в окружении высоких домов, при звуках лиры и пения за окнами появлялись богатые леди и хорошенькие дети. Здесь Тесса старалась исполнить как

можно больше песен, а Томмо аккомпанировал ей настолько хорошо, насколько позволяли замерзшие пальцы. Но холодная погода не располагала к долгому стоянию возле открытых окон, и хорошенькие дети вскорости убегали, а богатые леди, бросив уличным музыкантам пару монет, захлопывали рамы, чтобы возвратиться к собственным заботам.

Перебираясь с улицы на улицу, от площади к площади, Тесса и Томмо собирали крохотный свой урожай, пока сгустившиеся совсем сумерки не напомнили им, что пора возвращаться домой. Тесса так осипла, что едва могла говорить, и до того устала, что за ужином ее сморил сон. Зато после того, как Томмо по-честному поделил их заработок пополам, у нее оказалось целых полдоллара, и она почувствовала себя богатой.

Следующие дни странствий походили на первый, принося когда больше заработка, когда меньше, но Томмо всегда делил его строго пополам. Тесса, не жалуясь на усталость и холод, пела до изнеможения, потому что чем больше скапливалось у нее денег, тем больший размах приобретал ее план. Теперь уже она была намерена приобрести малышам, кроме игрушек, какие-нибудь полезные вещи.

В последний день перед Рождеством она постаралась принарядиться, надеясь таким образом увеличить заработок. Повязанный поверх старого капора ярко-алый платок оттенил ее смуглое лицо, блеск карих глаз и красивые черные косы. Да и ботинки без дыр, которые ей одолжила мать Том-

мо, придали девочке куда более презентабельный вид. Были, правда, они настолько велики Тессе, что носы загибались вверх, но она все равно почувствовала себя исключительно элегантной. Вот только руки из-за отсутствия варежек покрылись цыпками, но с этим уже ничего поделать она не могла. И, шаркая в огромных ботинках, Тесса весело размышляла о том, что неделя трудов подходит к концу, у нее скопилось почти три доллара, а после сегодняшнего похода, наверное, скопится еще больше.

На улицах явственно ощущалось преддверие праздника. Прохожие с оживленными лицами неслись кто куда, нагруженные корзинами, венками из остролиста и елками, которые дома у них расцветятся игрушками, мишурой, свечами и рождественскими подарками.

– Ах, если бы я могла купить малышам елку, но увы... Поэтому буду счастлива уже тем, что смогу теперь хотя бы наполнить для них подарками рождественские чулки, – сказала Тесса, жадно разглядывая ярко украшенные витрины магазинов и нагруженные доверху корзинки в руках прохожих.

– Кто знает, что тебе может еще перепасть, если мы хорошо заработаем, – с загадочным видом откликнулся Томмо, который тоже вынашивал кое-какой собственный план и, размышляя над ним, улыбался, пока его ноги месили снежную слякоть и грязь.

Но заработки были скудны. Люди, охваченные предпраздничной лихорадкой, не испытывали желания слушать улич-

ных музыкантов. Даже «Прекрасная Моника» оставляла их равнодушными, и они уносились прочь покупать индеек, игрушки и елки. Когда, в довершение прочих бед, после полудня полил дождь, на душе у бедной Тессы сделалось совсем скверно. Удерживать на ногах слишком большие ботинки становилось все тяжелее, руки окоченели от холода до ломоты, красивый алый платок пропитался водой. Томмо тоже не насвистывал уже весело на ходу, как обычно; взгляд его потух, и он брел вперед, предаваясь угрюмым мыслям о том, что слишком мала выходит сегодня прибавка к его накоплениям и плану его, похоже, осуществиться не суждено.

– Попробуем счастья в домах на еще одной улице, и будет с нас, – почти утратив веру в успех, сказал он. – Ты ведь и так уже совершенно выбилась из сил. Лицо совсем бледное стало. Дай я тебе его хоть от дождя оботру. А руку засунь мне в карман. Там ей станет тепло, как котенку у очага.

Заботливый Томмо обтер девочке лицо, запихнул одну озябшую ее руку в карман потрепанной своей куртки и, крепко взяв за другую, бережно повел Тессу по скользким тротуарам, ибо в слишком больших ботинках она, теперь совершенно вымотанная, спотыкалась на каждом шагу.

II

Из первого дома их злобно прогнал, отмахиваясь газетой, рассерженный старый джентльмен. Молодые леди и

джентльмен из второго были настолько поглощены беседой, что даже голов не удосужились повернуть при появлении возле двери двух вымокших музыкантов. Из третьего появился слуга и велел им уходить, потому что кто-то из обитателей болен. В четвертом все песни выслушали, но денег не дали. Следующие три здания вообще пустовали. И вот наконец они дошли до последнего дома на этой улице. Окна его ярко светились, но, сколько Тесса и Томмо ни смотрели на них с надеждой, за ними не появлялось ни одного лица. Уставшая, продрогшая и вконец разочарованная Тесса, не удержавшись, коротко всхлипнула. Томмо, глянув на нее с жалостью, ударил в сердцах ладонью по струнам лиры и произнес что-то яростное по-итальянски. Они уже повернулись, собравшись уйти, но не ушли, потому что в следующее мгновение выяснилось: удар по лире сработал самым удачным, можно сказать наилучшим, образом. Отреагировав на громкий звук, в окне возникла детская голова, а за ней еще и еще, пока их не оказалось пятеро, разного возраста, с разным цветом волос, но с одинаково приветливыми улыбками. Глядя на двух музыкантов внизу, дети призывно махали им руками.

– Пой, Тесса, скорее! Пой! – призвал девочку Томмо и мигом принялся изо всех сил наигрывать на лире, одаривая одновременно благополучных детей за окном белозубой улыбкой.

Как же, о Небо, быстро взбодрилась Тесса, как звонко и

мелодично защebetала, лучше любой певчей птахи, совершенно забыв о повисших на ресницах слезах, боли в руках и ногах, тяжести на сердце.

– Еще, еще! – прокричали дети, едва дослушав первую песню. – Спой нам еще, пожалуйста, девочка!

И она пела еще и еще, а Томмо играл, пока у Тессы не перехватило дыхание, а его крепкие пальцы не заныли.

– Мама вас просит войти. На улице слишком холодно, чтобы даже деньги кидать! – радушно воскликнул один из детей, когда Тесса умоляюще вытянула руку с кепкой.

Уличные музыканты поднялись по широким ступеням крыльца, а дети всей стайкой слетелись вниз с серебряными монетками в руках и множеством вопросов, которые собрались задать уличным музыкантам. Тут Тесса, охваченная признательностью, снова запела, даже не дожидаясь аккомпанемента Томмо. Песня была о потерявшемся ягненке. Самая проникновенная из всех, которые она знала. И голос ее звучал до того прелестно, что послушать песню спустилась красивая молодая леди, которая теперь с интересом приглядывалась к ясноглазой девочке, от души наслаждавшейся теплом и светом изысканно убранного холла, приветливыми лицами детей, с их блестящими волосами, красивой яркой одеждой, изящными туфельками.

– У тебя очаровательный голос. Кто научил тебя так замечательно петь? – поинтересовалась добрая молодая леди.

– Мама. Она умерла, но мне не забыть ее, – ответила на

ломаном английском Тесса.

– А мне хотелось бы, чтобы эта девочка спела у нашей елки. Белла-то ведь не сможет, так как больна, – крикнул, просунув голову сквозь балясины лестницы, ведущей на второй этаж, один из детей.

– Для ангела она чересчур уж темноволосая, да и слишком большая, чтобы сидеть на помосте у елки, хотя очень красиво поет и, кажется, была бы не прочь нашу елку увидеть, – задумалась молодая леди.

– О да! Конечно! Мне так бы хотелось! – выдохнула Тесса и робко добавила: – У меня есть сестричка. Ранца. Она маленькая и хорошенькая и сможет сидеть на помосте, а я бы за нее все спела из-под стола.

– Садись погрейся и расскажи мне про Ранцу, – попросила молодая леди, которой все больше нравилась эта девочка, несмотря на невзрачный вид.

Постаравшись сесть так, чтобы ее большие ботинки хоть немного просохли, Тесса стала рассказывать о себе и своей семье. Молодая леди, ее младшие братья и сестры внимательно слушали. А Томмо скромно стоял чуть поодаль.

– О, Роуз! Позволь нам увидеть маленькую Ранцу. Если она годится, возьмем ее, а Тесса выучит и споет нам рождественский гимн, и все получится замечательно! – воскликнул самый большой из мальчиков, который, сидя верхом на стуле, разглядывал широко распахнутыми глазами лиру.

– Я спрошу у мамы. – И молодая леди направилась в

столовую, а когда она отворила дверь, глазам Тессы предстало поистине волшебное зрелище, словно из сказки про фей. Серебряные кружки. Тарелки с цветочным орнаментом. Апельсины. Засахаренные орехи. Розовое вино в высоких хрустальных графинах. От тарелок поднимался пар и так вкусно пахло, что Тесса невольно втянула ноздрями воздух.

– Ты голодна? – покровительственно осведомился мальчик на стуле.

– Да, сэ, – коротко отозвалась Тесса.

– Мама! – немедленно прокричал мальчик. – Ей надо что-нибудь съесть! Могу я ее угостить апельсином?

Вскочив со стула, он унесся в волшебную комнату, и оттуда вышла полная леди, определенно мать этого большого семейства. Порасспрашивав, в свою очередь, Тессу о ней и ее семье, леди пригласила ее прийти завтра вместе с Ранцей, а там уже будет видно, насколько все хорошо получится.

Тесса, забыв, что руки саднит от цыпок, захлопала в ладоши, а Томмо сыграл бодрый марш.

– Ты тоже придешь сыграть нам на лире? Мы заплатим тебе, – обратилась к нему мать семейства, впечатленная рассказом Тессы о том, как к ней добр этот мальчик.

– О да! И сыграю как никогда еще в жизни. – И в подтверждение своих слов он энергично взмахнул кепкой, вызвав у детей смех.

– Отнеси это своим братьям. – И старший мальчик жестом сказочного принца протянул Тессе кулек с орехами и апель-

синами.

– А это твоей сестричке! – Из столовой выпорхнула юная принцесса с пирожными и румяными яблоками.

У Тессы пропал дар речи. Глаза были полны слез. Не в силах произнести ни слова, она обхватила чумазыми ладошками белую руку матери семейства, запечатлев на ней с итальянской горячностью множество поцелуев.

Леди ласково потрепала ее в ответ по щеке, а затем повернулась к старшей дочери:

– Об этой малышке следует позаботиться. Неси-ка сюда свои варежки, Фредди. Надо что-то надеть на ее замерзшие руки. И платок у нее совсем промок. Элис, неси свой прогулочный капор. А ты, Мод, тащи свой старый шиншилловый палантин.

Дети убежали, и минуту спустя руки Тессы уже нежились в тепле красивых синих варежек, черные ее косы укрыл теплый капор, а простуженное горло ласкал мягкий мех.

– Как вы добры! Как добры! Ранца станет для вас замечательным ангелом, а я спою всем сердцем под вашим рождественским деревом. – И, не зная, чем еще может выразить переполнявшие ее чувства, Тесса молитвенным жестом сложила руки в синих варежках, будто вознося хвалу Господу.

И они с Томмо ушли, а дети кричали им вслед:

– Приходи снова, Тесса! Приходи снова, Томмо!

Дождь уже не казался унылым, ветер – холодным, а обратный путь – долгим и утомительным, когда они, купив подар-

ки, возвращались домой. Ведь любое ненастье и самый долгий путь нам нипочем, если замыслы наши осуществляются, а сердца к тому же согреты людской добротой и щедростью.

Уверена, добрые духи, летающие в канун Рождества, чтобы помочь с дарами для детских чулочков, взирали на Тессу ласково, когда она лелеяла счастливым взглядом свой скромный запас подарков, которые ей представлялись поистине великолепными. Они были разделены на три равные части, спрятаны в трех отцовских носках и подвешены поверх занавеса возле широкой кровати.

На три скопленных доллара Тесса купила пару ботинок для Ноно, вязаную шапочку для Зепа и пару белых чулок для Ранцы, плюс к чему Ранце достался белый капор, Ноно – синие варежки, а Зепу – палантин.

– Теперь мои дорогие мальчики смогут выйти на улицу. И милая моя Ранца готова к тому, чтобы леди увидели ее завтра в обновках, – тихо проговорила Тесса, вздыхая от удовольствия и наслаждаясь прекрасным видом дополнительных подарков, которые повисли рядом с бугрившимися от содержимого носками, потому что влезть в них не могли.

Себе наша маленькая мама не оставила ничего, кроме радости, что смогла добыть всем подарки, но, полагаю, это ей принесло куда больше счастья, чем если бы она вознамерилась забрать все себе. Отец, увидев обросшую ботинками, капором, носками и палантином старую занавеску, расхохотался так весело, как последний раз хохотал только при жиз-

ни мамы.

– Моя бы воля, одел бы тебя в золотое платье и серебряную шляпу, любимая моя Тесса. Ты такая добрая! Благослови тебя все святые, и пусть не оставят они никогда тебя своей милостью! – с нежностью произнес Пьетро Бенари, крепко обняв ее и целуя на ночь.

И когда она забралась под выцветшее одеяло, видя рядом с собой мирно спавшую пухленькую Ранцу, а в изножье кровати – черноволосые головы братьев, то ощутила себя самой счастливой и богатой на свете. Та ночь для нее была полна чудеснейших снов, а пробуждение приготовило ей настоящие чудеса. Встав пораньше, чтобы проверить, все ли в порядке с подарками, она обнаружила невероятное. На занавесе вместо трех носков висело четыре. И из этого, нового, набитого туго, как колбаса, носка выглядывала деревянная кукла, словно бы с пожеланием: «Счастливого Рождества тебе, Тесса!» А рядом, аккуратно пришпиленное булавками к занавесу, висело платье, явно предназначавшееся для нее. Теплое, шерстяное, с яркими пуговицами и, определенно, не домашнего пошива. У Тессы перехватило дыхание, и до чего же она оказалось изумлена, когда миг спустя обнаружила вдобавок на полу новенькие ботинки.

От восторга Тесса даже затанцевала по комнате. Малыши вскочили с кровати, заверещали восторженно при виде подарков и принялись танцевать вместе с ней, устроив маленький карнавал. А затем начались объятия с поцелуями и вза-

имными предложениями съесть дольку апельсина или откусить от пирожного. Все примерили на себя обновки, расхаживая в них, как стайка хвастливых павлинов. Ранца прыгала по полу в белых чулках и красном капоре. Мальчики еще оставались в ночных рубашках, но на одном были новые скрипящие ботинки и варежки, а на другом – яркая шапка и элегантный палантин. Тесса же, облачившись в новое платье, вдруг поняла, что вчерашние слова отца о золотых и серебряных одеяниях были не совсем шуткой. В длинном носке для нее обнаружилась масса сокровищ. Томмо набил его прелестнейшими вещичками, а его мама прибавила к ним испеченные собственноручно пряники самых забавных форм, вплоть до очень натурально выглядевшего омнибуса.

Каким же счастливым было в то утро это семейство! Когда первые восторги чуть-чуть унялись, Тесса стала рассказывать, как ей удалось устроить всем праздник, и последовали новые взрывы радости. Ранца заверила, что готова быть ангелом, а мальчики обещали очень хорошо себя вести, если им позволят увидеть «елку во дворце».

Ранца была очень радушно принята доброй леди и ее детьми. Тесса легко разучила рождественский гимн. Братьев ее тоже пригласили на завтрашний праздник. Он состоялся день спустя, настолько великолепно подготовленный мисс Роуз и ее мамой, что, когда раздвижные двери столовой распахнулись, многочисленная толпа детей, собравшихся праздновать Рождество, издала дружный радостный

воплъ.

Можете мне поверить, праздник действительно вышел великолепным. Огромная елка переливалась огнями и ломила от подарков. А на спрятанном за ее пышно-зелеными ветвями помосте сидел прелестнейший ангел. Весь в белом. С пуховыми крылышками. Сияющей короной на голове. И еще ярче сияющим счастьем в голубых глазах. Вот ангел простер с лучезарной улыбкой пухлые ручки, и не успел еще кто-нибудь ахнуть, как послышался нежный и чистый, словно у жаворонка, голос, исполнявший рождественский гимн. Это было почти настоящее волшебство. Все слушали, замерев, а потом разразились аплодисментами столь оглушительными, что ангел на ветке вздрогнул: «Замолчите! А то упаду!»

Ангелу бросились на подмогу и, смеясь, завели с ним веселую беседу. Еще больше все смеялись и веселились, когда мисс Роуз, снимая с зеленых ветвей подарки, обнаружила, что ангел, не удержавшись от искушения, съел все конфеты, до которых смог дотянуться, прежде чем был возвращен с помоста на пол, где немедленно принялся танцевать в новых своих красных туфельках.

Тесса, братья ее, сестра и Томмо получили множество подарков. Братья вели себя кротко, как ягнята. Томмо играл танцевальные мелодии. И каждый здесь держался с новыми для этого дома гостями до того дружелюбно, что они не чувствовали никакой скованности.

Этот счастливый вечер запомнился им на всю жизнь, и чем больше времени проходило, тем прекраснее он представлялся, пока не стал даже вызывать некоторые сомнения: а на самом ли деле с ними такое произошло?

Покоренная стойкостью Тессы в борьбе за жизнь и ее готовностью жертвовать собой ради тех, кого любит, добрая мать семейства ласково поцеловала ее на прощание, объявив, что она отныне и навсегда ей близкий друг.

Сказано это было всерьез. Дружба их продолжалась, и сюрпризы для Тессы не иссякали.

Базз

Я живу совершенно одна, снимая комнату в многоквартирном городском доме. Комната у меня очень уютная, хотя в ней нет ничего особенного. Только мои любимые картины, цветы и мой маленький друг. Поселилась я там, когда была еще очень занятой, а потому и очень счастливой. С годами необходимость так сильно спешить отпала, свободного времени у меня появилось больше, и, куда больше прежнего предоставленная самой себе, я начала ощущать одиночество. За едой меня теперь часто посещали мечты о приятном компаньоне, а вечером у горящего очага хотелось видеть кого-нибудь в кресле напротив. Днями-то я недостатка в обществе не испытывала. Ко мне заходили друзья и разные прочие посетители. Но вечерами делалось скучно. Читать я много уже не могла, а одинокие прогулки по улицам мало меня прельщали, особенно в плохую погоду.

И вот как-то вечером, мечтая о жизнерадостном друге, я вдруг его нашла. На собственной руке. Он сидел на ней – крупный мух. Именно так, в мужском роде, потому что облик его – а как вскоре выяснилось, и характер – определенно свидетельствовал о принадлежности к мужскому полу. Глядя внимательно на меня и тихо жужжа, он словно спрашивал: «Ну как вы тут поживаете? Желали друга? Я здесь. Изволите принять?»

Разумеется, я изволила. Он мне с первого взгляда понравился. Такой жизнерадостный, внушающий доверие. И похоже, довольный моим обществом не меньше, чем я – его. Пора стояла осенняя. Все его соплеменники успели уже покинуть сей мир, и он остался один. Ну прямо как я.

Плавно и осторожно, чтобы не стряхнуть его с руки ненароком, я помотала приветственно пальцем. Он же, поняв, что жест мой совсем не обиден, а, наоборот, выражает радостные, ответил признательным и любезным жужжанием, смысл которого до меня дошел без труда: «Очень признателен, мэм, за столь радушный прием. Мечтал бы найти приют в вашей теплой комнате, платя вам за гостеприимство тем, что буду по мере сил развлекать вас, и вы найдете во мне недокучливого, но искреннего и доброго друга».

Сделка была заключена, и я пригласила его разделить со мной чаепитие. Тут выяснилось, что манеры его никуда не годятся. Он бродил по маслу, пил прямо из молочника и совал лапы в желе. Я строго его одернула, стукнув по столу ложкой, и он весьма быстро откликнулся на мое внушение, ограничив свою любовь к молоку, сахару и прочему теми каплями и крупичками, которые попадали на стол, когда я что-нибудь себе наливала или накладывала. Иными словами, начал вести себя сообразно правилам хорошего тона, принятым у воспитанных мух.

За звонкий, красивый голос я дала ему имя Базз, и вскоре мы стали отлично ладить. Новое жилище вполне пришлось

ему по душе. Тщательно обследовав комнату вплоть до углов, мой компаньон облюбовал себе в ней несколько местечек и принялся наслаждаться жизнью, а я при первой же необходимости всегда могла его отыскать. Он ведь постоянно пел, звеня, как закипающий чайник.

Солнечными днями он забавлялся, колотясь головой в оконное стекло и наблюдая за происходящим снаружи. У меня от таких упражнений голова разболелась бы, но ему они, видимо, только доставляли удовольствие. Дачу Базз обустроил себе в подвесной корзинке с плющом, где сидел поверх слоя мха, греясь под солнечными лучами ровно с тем же самозабвением, что и любой джентльмен на своей застекленной веранде. Растения вызывали у Базза повышенный интерес. Он тщательно изучил их все, бродя по листьям плюща, копаясь под мхом и просовывая голову в готовые раскрыться бутоны, чтобы проверить, как там продвигается дело.

Картины тоже привлекали его внимание, особенно те, у которых рамы были со стеклами, и он мог кататься по ним, изучая манеру художников. Мадонна его озадачивала, и он как бы спрашивал: «Почему вокруг нее летает столько детей?»

Ручей на акварельном наброске Вотена служил ему, по моему, местом купания. «Летняя вечеринка» Оскара Плетча приманивала спелой ягодой вишни, которую одна утка подносит другой. Портрет моей мамы он часто целовал. А на лысой голове отца подолгу засиживался, будто пытаюсь извлечь

для себя хоть капельку заключенного в ней огромного запаса мудрости. Бронзовая статуэтка Меркурия вызывала у Базза глубокое недоумение. Он не понимал, отчего этот молодой джентльмен, при всей своей окрыленности, так упорно медлит со взлетом, хотя, судя по виду, куда-то очень торопится.

Боюсь, Баззу было свойственно некоторое тщеславие. Иначе зачем бы ему проводить столько времени перед зеркалом? Я часто видела, как он чистит свой хоботок и потирает лапки, подобно нам, людям, когда мы стремимся навести на себе побольше лоска. Впрочем, следя за наружностью, не упускал он из виду и умственного развития. Книги ему доставляли огромную радость. Он бегал по ним, выбирая, какую хотел бы прочесть, и долго оказывался не в силах на чем-то остановиться. Толстый французский словарь и сборник английских пьес оставляли его равнодушным. Гёте, Шиллер, Эмерсон и Браунинг нравились ему так же, как мне. От заумной романтики Рихтера у него начинала болеть голова, зато стихам Джин Инджеллоу и ее «Историям, рассказанным ребенку» он внимал с тем же восхищением, что и мелодичному звону фейских колокольчиков над моей кроватью, и мог подолгу наслаждаться альбомом с видами знаменитых заграничных достопримечательностей и портретами известных персон.

Базз часто расхаживал по террасе миниатюрного швейцарского шале, стоящего на каминной полке, полагая, что это прекрасная резиденция для одинокого джентльмена вро-

де него. Кладовка тоже его весьма привлекала. Так как мы жили общим хозяйством, то наведывались туда вдвоем, и он весело гудел, инспектируя запасы провизии.

Его пирушки в сахарнице, имбирном печенье и винограде были самозабвенны. Каплю молока со стола поглощал он азартно и без остатка. И не упускал ни единой возможности заглянуть в каждую открытую коробку или неприкрытую тарелку. Однажды я обнаружила, что он лежит на спине, дрыгая в воздухе лапками и жужжа, как гигантская юла. Всю оставшуюся часть дня он тоже вел себя очень странно. Причина мне стала ясна, когда обнаружилось, что бутылка с сидром открыта. Базз, видимо, не преминул к ней припасть, за что и поплатился. С тех пор я не оставляла бутылки без пробок.

Каминная полка прельщала Базза не только миниатюрным шале, но и букетиком зеленых веточек, который стоял у меня в вазе-статуэтке паросского мрамора, изображавшей танцовщицу, неподвижно кружащуюся на одной ноге и беззвучно гремящую кастаньетами. В уютном и теплом этом убежище мух мой способен был наслаждаться жизнью много часов подряд, то качаясь на листьях, то предаваясь сну в недрах вазы, то грея лапки в потоках теплого воздуха, который к нему поднимался от растопленного камина.

Не думаю, что в Бостоне отыскалась бы муха счастливее моего друга Базза. Я с каждым днем все сильнее привязывалась к нему. Он никогда не безобразничал, вне зависимо-

сти от погоды жужжал жизнерадостную свою песенку, был неизменно приятен и сверх того, к большой моей радости, интересовался всем, что я делаю. Его присутствие на моем рабочем столе служило мне большим подспорьем. Он расхаживал по рукописи, проверяя, все ли в ней правильно, заглядывал в чернильницу, бегал по ручке и никогда не отпускал глупых или ехидных замечаний по поводу моих текстов. Базз, похоже, наоборот, восхищался написанным, а вкус у него был отменный.

Когда я шила, он сидел в моей рабочей корзинке или прятался среди складок ткани, одновременно ведя со мной оживленный разговор, а когда кипучая энергия настолько переполняла его, что не было мочи усидеть на месте, вдруг резко взлетал и принимался танцевать в вышине, призывая меня к нему присоединиться. Увы, ответить на зов я не могла из-за отсутствия крыльев, и мне оставалось лишь с глупым видом посмеиваться над его воздушными пируэтами. Ему подобные упражнения заменяли прогулки. На улицу-то он не выходил. И свежим воздухом мог подышать, только когда я открывала окно.

Так мы с Баззом и соседствовали несколько недель подряд, друг от друга не уставая и не пресыщаясь общением, что свидетельствует о настоящей, крепкой дружбе. На рождественскую неделю я собралась домой к родственникам, предоставив комнате самой пещься о себе. Гиацинты были для тепла поставлены в кладовку. Плющ надежно защищала

от холода задернутая портьера. Но я совершенно забыла про Базза. Мне бы взять его с собой или хотя бы до своего возвращения вверить заботам соседа. Куда там... За предотъездной суетой и покупкой подарков ни того ни другого мне в голову не пришло. Я убыла, даже не попрощавшись с ним, и спохватилась только однажды, в вечерних сумерках, когда мой младший племянник попросил:

– Тетя Джо, расскажи мне что-нибудь.

Тут-то, начав рассказывать ему про Базза, я и вскричала:

– Боже мой! Боюсь, он без меня там умрет от холода!

Крайне обеспокоенная и охваченная стремлением узнать, как он, бедняжка, там поживает, я немедленно съездила бы его проведать, если бы не находилась так далеко. Нестись, однако, назад, за двадцать миль, ради пригляда за мухой было бы весьма странно. Поэтому домой я поехала, лишь завершив визит, и очень надеялась найти Базза живым и здоровым.

Увы, живым я его не застала. Мой маленький друг покинул сей мир. Я нашла его на каминной полке, лежащего на спине с кротко сложенными лапками. Крылья его застыли навеки. Он явно облюбовал себе самое теплое место, и какое же горестное недоумение охватило его, когда и здесь все сделалось стылым, обрекая на смерть. И тогда, вероятно, бедный мой Базз спел последнюю свою песенку, станцевал последний свой танец и отправился в мир, уготованный после смерти всем добродетельным мухам.

Мне было ужасно жаль. Я похоронила его среди корней плюща, где теперь Базза укрывает зеленый мох и греют солнечные лучи. Больше ему никогда не будет холодно. Я очень по нему скучаю. Когда я сажусь писать, мне не хватает его жизнерадостного голоса и неугомонных крыльев. Когда ем, с тоской смотрю на капли и крошки, которые некому подобрать. И особенно не хватает мне Базза одинокими вечерами. Он нужен мне теперь даже больше, чем прежде. Каждый день, поливая цветы, я тихонечко приговариваю: «Расти, зеленый плющ! Стань помягче, зеленый мох! Свети потеплее, солнце! И да будет моему другу отрадно в последнем его пристанище».

Детская шутка

– Нельзя делать то. И нельзя это. С утра до вечера. Вас бы самих в такие условия, и посмотрел бы я, как вам это понравится, – швырнув в сердцах шляпу, мрачно пробормотал Гарри, вынужденный покориться отцу, который категорически запретил ему прекрасным летним вечером пойти искупаться в реке, предложив вместо этого освежиться чтением.

– Раз тебе сказано читать, нужно слушаться. Хорошие дети всегда именно так и поступают. Я в твои годы родителям не перечил, – ответил сыну мистер Фейрбейрн, совершенно забыв, как это свойственно взрослым, о собственных ребяческих проделках.

– Рад, что мне не пришлось с тогдашним тобой познакомиться. Ты был, наверное, настоящим занудой, – тихо проворчал Гарри.

– Молчать, сэр! Отправляйся-ка в свою комнату, и чтобы я до чая тебя не видел. Тебя, кроме послушания, придется еще уважению обучать. – И мистер Фейрбейрн так стукнул кулаком по столу, что сына его словно ветром сдуло из комнаты.

На ступеньках мальчик повстречался со своей сестрой Китти, тоже очень сердитой и недовольной.

– Что это с тобой? – на мгновение остановившись, поинтересовался он, ибо невзгоды любят компанию.

– Мама меня заставляет надеть чистое накрахмаленное платье да еще снова завить волосы. И все только из-за того, что к нам, видите ли, кто-то может зайти! А мне хочется поиграть в саду, и наряжаться я не желаю. Ненавижу всех этих гостей, хорошие манеры и жесткую от крахмала одежду, а ты? – свирепо дергая пояс на платье, спросила Китти.

– А я больше всего ненавижу, когда мной постоянно командуют и изводят с утра до ночи. Неужели им трудно оставить меня в покое? – И Гарри продолжил свой путь к месту ссылки, возмущенно покачивая головой и размышляя, не лучше ли вообще убежать из дома.

– «В покое»... – вздохнула Китти, чувствуя, как тяжела ее жизнь. – У меня тоже его ни минуты нет. Хотелось бы мне, чтобы мама перестала так суетиться.

Мученик в коричневом льне поднялся наверх, а мученица в белом батисте спустилась вниз. Оба одним своим видом ясно выказывали, что души их уже клокочут, подстрекая к свирепому мятежу против незавидного существования. Любой незнакомец, заглянувший к ним в дом, наверняка удивился бы их жалобам: чем они недовольны, когда жизни их можно только позавидовать? Дом их являл собой средоточие всех удобств, которые можно приобрести за деньги, к тому же был очень красив, отражая прекрасный вкус своих обитателей. Родители обожали Гарри и Китти, и жить бы детям, не ведая ни настоящих забот, ни тем более бед, в совершеннейшем счастье, если бы не одно «но». Руководствуясь са-

мыми лучшими побуждениями, мистер и миссис Фейрбейрн отравляли вверенные своей родительской власти юные души постоянным выискиванием недостатков, множеством навязанных правил и недостаточным сочувствием к жажде интересных и подвижных занятий. Гарри не попусту возмущался. Внушения и приказы сыпались на них с Китти как из рога изобилия, родители с утра до ночи суетились над ними, и они так устали от этого, что в головах у них все чаще зарождались отчаянные идеи.

Первой почувствовала неладное жившая тогда вместе с ними незамужняя тетя Бетси, однако в ответ на ее призывы не доводить до беды таким сильным давлением на детей, предоставив им, особенно мальчику, больше свободы, мистер Фейрбейрн и его жена ответили: «У тебя, дорогая Бетси, детей никогда не было. Откуда же тебе знать, как их нужно воспитывать?»

Вот только мистер Фейрбейрн как-то позабыл, что Бетси растила целый выводок своих лишившихся матери младших сестер и братьев, включая его самого. Растила мудро и преданно, не получая в ответ благодарностей и похвал, которые ей, впрочем, совершенно не требовались, потому что она просто-напросто исполняла свой долг.

Надо думать, без тетиного вмешательства племянники, дозрев до открытого бунта, давно бы сбежали из дому, как Роланд и Мейбёрд⁷, но Бетси удерживала их от глупой про-

⁷ *Роланд и Мейбёрд* – так именовались в английском переводе того времени

делки разными тайными способами, и ее общество неизменно служило им надежным прибежищем в самые трудные времена. Ибо, внешне невозмутимая, тетя Бетси на самом деле была полна и веселья, и сочувствия, и терпения. Гарри и Китти любили ее так же сильно, как дети из старинных сказок – своих добрых крестных, а она исподволь, но упорно расчищала для племянников тернистый путь к достоинству.

За чаем тем вечером мистер и миссис Фейрбейрн были очень оживленны и жизнерадостны, а дети, наоборот, унылы. Целый день, проведенный в обидных ограничениях, сказался на них наихудшим образом, и они с видом хорошо выдрессированных безгласных созданий вяло ковыряли еду на своих тарелках.

– Это все из-за жары, – глянув на них, заключила уверенно мама. – Завтра дам им двойную дозу микстуры с железом, чтобы их укрепить.

– Я уже так ее напринималась, что скоро превращусь в железную статую, – едва услышав про микстуру, поморщилась Китти.

– А я без всякой микстуры буду в порядке, если вы мне позволите каждый вечер купаться, – подхватил Гарри.

– Даже и не проси. О купании не может быть и речи. Ты же утонешь! – воскликнула миссис Фейрбейрн. Она до того тряслась над сыном, что впадала в панику, едва тот исчезал из ее поля зрения.

– А вот тетя Бетси позволяла мальчикам купаться, и ничего плохого с ними не случилось, – начал было Гарри.

– Времена тети Бетси давно прошли. Теперь детей воспитывают по-другому, – с чувством собственного превосходства заявила мама.

– А мне бы хотелось жить в ее время, – мечтательно выдохнул Гарри. – Хорошо тогда жилось мальчишкам.

– Девочки тоже играли во что хотели, в крахмальные доспехи их не заковывали и гостями не изводили, – подхватила Китти.

– А чем вам теперь плохо? – добродушно осведомился их отец, не без удовольствия вспомнив собственное детство.

Не надеясь излить все свои претензии, Гарри ограничился тем, что сказал:

– Если бы ты хоть день побыл на нашем месте, то сам бы понял.

Тут тетя Бетси и предложила с улыбкой:

– Может, стоит попробовать? В порядке опыта?

Мама и папа сперва рассмеялись, но враз посерьезнели, когда тетя добавила:

– А что? Давайте и впрямь попытаемся. Попробуйте хотя бы день пожить как они. Посмотрим, понравится вам это или нет. Во всяком случае, вы куда лучше поймете их ощущения, чем если они будут объяснять на словах. Это сослужит добрую службу и вам, и детям.

– Неплохая идея, – оживился папа. – Что скажешь? – по-

смотрел он на маму.

– Ну, если ты согласен, я тоже, пожалуй, согласна. Просто для развлечения. Но сомневаюсь, что это способно принести какую-то пользу, – покачала головой миссис Фейрбейрн, всем своим видом показывая, что считает план тети Бетси совершенно безумным.

Дети сперва онемели, ошарашенные столь неожиданным предложением, однако, смекнув, что к чему, запрыгали на стульях и громко захлопали в ладоши.

– А каким же именно образом ты собираешься осуществить этот новый педагогический эксперимент? – спросил папа, заинтригованный ролью, которую ему предстоит сыграть.

– Все просто: пусть дети хотя бы день проведут по своему разумению и получают право вами руководить. Давать вам поручения, решать, чем, как и когда вам нужно заниматься, чем развлекать себя. Указывать, что вам есть. Вознаграждать или наказывать, хвалить или осуждать. Вы же должны до конца дня беспрекословно их слушаться и во всем им подчиняться.

– Ух, ну и здорово же будет! – вновь разразились восторженными аплодисментами Гарри и Китти, в то время как их родители поскучнели.

– Завтра как раз выходной, вот и отметим его забавным экспериментом, – все сильнее воодушевлялась своей идеей тети Бетси. – Вреда-то уж точно от этого никому не будет.

– Давай, дорогая. Дадим обещание и посмотрим, что эти негодники нам устроят. Только учтите, – мистер Фейрбейрн перевел взгляд с жены на детей, – изображать папу и маму не так-то просто, нам куда легче придется. Мы же умеем себя хорошо вести, – с добродетельной миной объяснил он.

Мама пообещала, и остаток ужина прошел очень весело, потому что все наперебой высказывали различные предположения насчет предстоящей на завтра игры. Спать Гарри и Китти отправились пораньше, чтобы наутро проснуться бодрыми, в полной готовности к весьма прельщавшей их деятельности. Тетя Бетси каждому из двоих нанесла перед сном короткий визит, дав несколько наставлений и натолкнув на ряд коварных шагов, до которых своим умом дети никогда бы не дошли.

В семь утра миссис Фейрбейрн, выйдя в свою гардеробную, едва успела надеть просторный халат из невесомой ткани, как перед ней появилась Китти.

– Легкомысленная девчонка, – сурово проговорила она, хотя в глазах у нее при этом плескалось веселье. – Ну-ка, снимай с себя этот ужас! Надень приличное платье, как следует причешись и позанимайся полчаса музыкой перед завтраком.

Мама попробовала было отказаться, но Китти, решительно отвергнув все возражения, настояла на своем. И маме пришлось с тяжким вздохом надеть накрахмаленное до шершавости платье в мелкий цветочек, потом, сняв с головы сет-

ку, тщательно расчесать волосы, а после вместо уютного чтения в кровати отправиться в гостиную, где Китти заставила ее разучивать на рояле очень трудную пьесу.

– Могу я теперь выпить чашечку чая с булочкой? – спросила мама.

– Нет, не можешь. Перекусывать между основными приемами пищи – очень вредная для детей привычка, – ответила Китти, в точности копируя обычные в таких случаях материнские слова и тон. – А я вот, пожалуй, съем булочку и выпью стакан молока, – злорадно добавила дочь. – Взрослым пищи требуется больше, чем детям.

И она с наслаждением уселась подкрепиться перед завтраком, пока бедная ее мама, чувствуя себя совершенно выбитой из привычного распорядка жизни, мучилась над сложными фортепьянными пассажами.

Мистеру Фейрбейрну тоже пришлось несладко. Он как раз собрался понежиться, лелея остатки дремоты, которые по утрам сообщают постелям столь сильную притягательность, когда его застиг за этим Гарри. Сын приблизился к отцу нерешительно, словно робея перед началом эксперимента, но затем с неожиданной резкостью затряс дремлющего за плечо и бодрым тоном грянул:

– Вставай, лежебока! Вставай! Вставай!

Папа так подскочил, словно случилось землетрясение, и ошалело вытаращился на сына, однако мгновение спустя, вспомнив, в чем дело, принялся жалобно ныть:

– Ой, рано еще! Дай чуть-чуть поваляться. Я так устал!

Гарри едва сдержал хохот, но все-таки смог сохранить суровый вид, какой напускал на себя отец в подобных ситуациях, и произнес очень строго:

– Тебя разбудили. Если не спустишься через пятнадцать минут в столовую, завтрака ни получишь. Ни кусочка, сэр! Ни кусочка!

И, хладнокровно сунув в карман часы отца, Гарри с хихиканьем двинулся вниз по лестнице.

Мама, едва прозвенел колокольчик к завтраку, поспешила в столовую, мечтая о чае, но Китти, сидевшая возле чайника, ей строго сказала:

– Что за манера врываться? Выйди и войди в дверь спокойно. Научишься ты наконец когда-нибудь вести себя как леди?

Мама, хоть и рассерженная задержкой, подчинилась и снова вошла в столовую, на сей раз самым благовоспитанным образом, и протянула тарелку за свежей горячей булочкой.

– Нет-нет, – покачала головой дочь. – Никаких булочек и рыбы. Съешь эту прекрасную овсяную кашу и запей молоком. Нет ничего лучше и полезнее для детей на завтрак.

– Но чаю-то можно? – чувствуя себя совершенно потерянной, взмолилась мама.

– Разумеется, нет. Мне в детстве его никогда не давали, и тебе его пить не следует, – ответила Китти, успев налить себе

полную чашку запретного напитка, который теперь с наслаждением прихлебывала.

Новый запрет вызвал у бедной мамы тихий жалобный стон, но она покорилась и уяснила вскоре, почему Китти всей душой ненавидит овсянку.

Гарри устроился в кресле отца и замечательно подражал ему, сочетая чтение газеты с одновременным поглощением всего, до чего дотягивалась его рука.

Тетя Бетси, довольная ходом игры, время от времени украдкой кивала племянникам, показывая, что, на ее взгляд, они действуют совершенно правильно.

Почти перед самым завершением завтрака в столовой наконец возник папа, явно намереваясь занять стул сына, но тот, напустив на себя всю возможную суровость, извлек из кармана отцовские часы и осведомился:

– О чем вас предупреждали, сэр? Опять опаздываете? Никакого завтрака. Мне очень жаль, но эту привычку необходимо изжить. Ни слова больше, сэр! Вы виноваты и понесете заслуженное наказание.

– Но позволь... Ты слишком суров со мной. Нельзя ли мне все-таки хоть что-нибудь съесть? Я ужасно голоден. – Папу прямо-таки потрясло столь бесчеловечное с ним обращение.

– Я сказал: ни кусочка! И от своего слова не отступлюсь. Пусть это станет тебе уроком на будущее. А сейчас приступай к своим утренним обязанностям.

И папа, изумленно глянув на тетю Бетси, молча ушел с

растерянным и комичным видом, преисполняясь нового для себя сочувствия к сыну, которого очень часто не допускал к столу за любую, даже маленькую провинность.

Всего несколько минут спустя папе довелось с особенной остротой почувствовать, как дорога ему старшая сестра и какое доброе у нее сердце. Тихонько к нему подобравшись, когда он разравнивал граблями гравий на дорожке (утренняя обязанность Гарри), она вложила в руку провинившегося прекрасную теплую булочку, густо намазанную маслом, и по-матерински ласково проговорила:

– Дорогой мой, ты должен, конечно, слушаться папу. Тем более что он прав. Ты действительно чересчур заспался. Но у меня душа надрывается при виде того, как ты голодаешь.

– Бетси, ты ангел. – И, воровато повернувшись спиной к дому, исполненный благодарности папа умял в мгновение ока булочку, а потом спросил: – Как по-твоему, эти негодники целый день намерены продолжать в том же духе?

– Именно так мне и кажется. Кстати, они нисколько не переигрывают. Надеюсь, ты своей жизнью доволен.

И тетя Бетси удалилась со столь безмятежным видом, словно была уверена, что мистер Фейрбейрн совершенно счастлив.

– А теперь надень шляпку и можешь часок покатать малышку в коляске взад-вперед по аллее. Только не по траве, иначе промочишь ноги. С малышкой играть не надо. Пусть спит. И не болтай с папой, иначе это его отвлечет от рабо-

ты, – распорядилась Китти, когда они с мамой встали из-за стола.

Утро стояло жаркое, малышка была тяжелой, прогулка с ней по аллее представлялось миссис Фейрбейрн занятием очень скучным. Она предпочла бы остаться в доме и пришить отделку к новому красивому платью.

– Если ты категорически на таком настаиваешь, то ты очень жестокосердная мать, – сказала она в надежде, что мучительница смягчится. Но не тут-то было.

– Я этим вынуждена каждый день заниматься, и ты никогда не позволяешь мне отлынивать, – смерив ее выразительным взглядом, ответила Китти.

И маме пришлось подчиниться. Надев шляпу, она убрела с раскапризничавшейся малышкой, в надежде встретить где-нибудь собрата по страданиям и хотя бы отвести душу, посмеявшись вместе с ним над ситуацией. Но чаяния ее не сбылись. Гарри уже отправил отца из сада в классную комнату и запер его там, заставив делать за себя уроки, а сам, не теряя времени, сел на пони и унесся по направлению к городу, где был намерен приобрести новую удочку и доставить себе еще много разных удовольствий.

Когда мама, усталая и распаренная, вернулась наконец в дом, Китти уже поджидала ее с бутылочкой в одной руке и ложкой в другой:

– Прими-ка, дорогая, микстуры с железом и не капризничай. Веди себя как примерная девочка.

– Не буду, – отпрянула в сторону мама.

– Нет, будешь! И не вынуждай меня делать это насильно.

– Но она мне не нравится и для здоровья совсем не нужна! – выкрикнула мама.

– Мне тоже, но ты ведь меня все равно заставляешь. А укреплять организм тебе требуется гораздо больше, чем мне. Ты же столько энергии тратишь на массу забот и проблем, – с хитрым видом заявила Китти, обратив против мамы ее же собственное оружие.

– Ну же, Керри, – подхватила тетя Бетси. – Вреда тебе это не принесет, и обещание быть совершенно послушной ты дала. Вот и не нарушай его.

– Знать бы заранее, как рьяно они возьмутся за дело. Фу, ну и гадость! – поморщилась миссис Фейрбейрн, проглотив микстуру и мысленно сетуя, что тетя Бетси поддерживает неправую сторону.

– А теперь воспользуйся временем, оставшимся до обеда, и подруби, будь любезна, вот эти полотенца. Мне самой не успеть, столько у меня других дел, – вдохновленная успехом, продолжила Китти.

Маме после изнурительной прогулки по душному саду и приема микстуры новое задание показалось скорее заслуженным отдыхом, и она даже с некоторым удовольствием посвящала себе полотенцам, пока в дом не явились гости. Это были подружки Китти. Та провела их в гостиную, а маму отправила в детскую покормить малышку, затем как следует

причесаться, надеть свежее платье и уже в аккуратном виде выйти к гостям.

Оставшись наедине с подругами, Китти ввела их в курс сегодняшней игры и попросила ей подыграть. Они охотно дали согласие. Миссис Фейрбейрн им страха не внушала, а предстоящий спектакль обещал изрядно развлечь. И вот стоило ей войти, как гости принялись ее тискать и обнимать, наперебой твердя, до чего она за последнее время выросла и похорошела. Миссис Фейрбейрн просто не знала куда деваться, девочки же от души веселились.

Тем временем возвратившийся домой Гарри занялся в классной комнате проверкой знаний отца, доводя беднягу своими вопросами почти до безумия. С этой целью любящий сын постарался отыскать самые мудреные книги, посвященные наиболее загадочным и озадачивающим предметам, среди коих оказались старый, пыльный учебник истории и несколько классических штудий из области латыни. Изрядно подзабытые знания несколько раз подвели отца, сыграв с ним злую шутку и вызвав упреки юного, но строгого учителя. Полный же крах мистер Фейрбейрн потерпел, когда дело дошло до математики. С цифрами он никогда особо не ладил и, не связанный по роду занятий ни с коммерцией, ни с чем-то иным, требующим вычислений, вполне успешно без них обходился, поэтому вооруженному свежими навыками устного счета Гарри удалось сразить его наповал. Он огорчивал беднягу труднейшими заданиями, отказывая в помо-

щи, когда отец безнадежно в них увязал, а только обзывал его глупым.

Лишь колокольчик к обеду положил конец мучениям совершенно выдохшегося «школяра», и он устремился в столовую, спеша занять место сына. Мистер Фейрбейрн был голоден, вымотан, изнурен, словно полдня весьма тяжело работал, однако еду ему – ввиду детского положения – положили последнему, а затем каждую минуту одергивали, веля есть помедленнее.

Мама вела себя смиренно, с немой тоской поглядывая на пирог, после того как ей было объявлено – ее же собственными словами, – что выпечка детям вредна.

Любые попытки папы и мамы начать разговор немедленно пресекались крылатой фразой: «Детей за столом должно быть видно, но не слышно».

И это притом, что Гарри и Китти весь обед неумолчно болтали, от души наслаждались частыми придирадками к своим великовозрастным детям, которые, надо отдать им должное, очень неплохо играли роли сына и дочери.

– Не свисти за обедом, папа! Не размахивай руками, мама! Наберитесь терпения, сэр, подождите, пока вам подадут! Заправь как следует свою салфетку и не капай супом на стол, Кэролайн!

Тетя Бетси смеялась до слез, и время летело весело, хотя скорее для детей, чем для родителей, вынужденных против воли подчиняться новым правилам.

– Теперь можете два часа поиграть, – благосклонно дозволили им, когда они вышли из-за стола.

Мама измученно рухнула на диван. Папа унесся в сад почитать газету.

Для Гарри и Китти эти часы законного отдыха омрачались обычно частыми окриками с требованиями не бегать, не играть во что-то, а порой еще и прерывались какими-нибудь поручениями. Дети, однако, решив проявить к родителям милосердие, оставили их в покое. Это был мудрый шаг. Потому что отдых принес бедолагам огромное удовольствие, и они в приватной беседе договорились предоставлять отныне детям полную свободу, когда наступает время для игр.

– Могу ли я пойти повидаться с мистером Хаммондом? – робко осведомился мистер Фейрбейрн, надеясь использовать оставшиеся полчаса свободного времени для визита к соседу.

– Нет. Мне не нравится Томми Хаммонд, и я против того, чтобы ты играл с его отцом, – решительно отказал ему с хитрым блеском в глазах Гарри, прибегнув к доводу, которым раз-другой обосновывал свои запреты его родитель.

Мистер Фейрбейрн, тихо присвистнув, удалился в амбар. Гарри за ним последовал и велел запрячь старого Билла.

– Собираетесь прокатиться, сэр? – почтительно поинтересовался папа.

– Не задавай вопросов, – был краток сыновний ответ.

Вскорости старый Билл, запряженный в лучший кабрио-

лет, был препровожден отцом к передней двери дома. Мама как раз проснулась, подбежала к окну и выглянула на улицу, испытывая желание прокатиться.

– Могу я с вами поехать? – спросила она у Китти, которая уже, в новой шляпке и перчатках, садилась в экипаж.

– Нет. Места не хватит.

– А может, лучше запрячь Билла в линейку? Поехали бы тогда все вместе. Нам ведь с мамой это тоже нравится, – заканючил папа тем же умоляющим тоном, что и Гарри в подобных случаях.

Китти едва не сдалась. Она очень любила маму и жалела, что приходится ее расстраивать. Но Гарри был сделан из материала покрепче и, распаленный горечью многих обид, нетерпеливо бросил:

– Нам не до вас. И кабриолет подходит нам больше, чем линейка. Во-первых, он легче, во-вторых, мы с мамой хотим поговорить о делах. Ты, сынок, помоги лучше Джону ворошить сено на лугу. А ты, Кэролайн, развлеки малышку или помоги Джейн варить варенье. Девочкам следует приучаться к домашнему хозяйству.

– Гром и молния! – прорычал папа.

– Это тебя тетя Бетси научила говорить такое? – крикнула мама вслед отъехавшему кабриолету.

И ликующие дети унеслись прочь, оставив на родителей докучливые обязанности.

Миссис Фейрбейрн намеревалась хотя бы почитать, но не

вышло. Малышка раскапризничалась. Китти помочь с ней не могла, потому что уехала. Вот и пришлось миссис Фейр-бейрн самой утихомиривать разбушевавшегося маленького деспота. А папа в это время ворошил под палящим солнцем сено, что ему тоже не слишком нравилось.

Дети вернулись к чаю и поспешили за стол, отдав щедрую дань джему, пирогу и фруктам. Прогулка в кабриолете прошла упоительно. Они были полны впечатлений, но не поделились ими с оставленными дома родителями, да и есть своим жертвам не позволили ничего, кроме хлеба с молоком.

– Вечером я ожидаю гостей, но ты еще слишком юна, чтобы засиживаться так поздно. Это может сказаться не лучшим образом на твоём зрении. Поэтому отправляйся спать прямо сейчас. Обязательно расчеши перед сном как следует волосы и почисти зубы. Пять минут на одно, и пять минут на другое. Намажь кремом руки. Сложи аккуратно ленточки. Расправь и повесь одежду. Туфли оставь за дверью, чтобы их почистили. И загороди окно москитной сеткой. А я, после того как оденусь к приходу гостей, зайду к тебе погасить лампу.

Китти так часто приходилось выслушивать подобные наставления от мамы, что она давно уже выучила их наизусть, и монолог прозвучал у нее без единой запинки.

– Но сейчас ведь лето. И светло совсем. И всего полвосьмого. И вечер такой приятный. И спать мне еще совсем не хочется, – выложила мама один за другим очень, на ее взгляд, весомые аргументы против приговора дочери.

– Немедленно поднимайся навверх, дитя мое, и не трать понапрасну время на бесполезные пререкательства. Я лучше знаю, что тебе будет полезнее. – И Китти отправила полную бодрости и желанья провести как-нибудь интересно вечер маму в постель.

Миссис Фейрбейрн так и мыкалась без сна, тоскливо ворочаясь с боку на бок, когда Китти пришла унести из комнаты лампу.

– Ну, любимая, надеюсь, нынешний денек выдался для тебя счастливым? – склоняясь к материнской подушке, осведомилась дочь, точь-в-точь как мама, когда желала ей доброй ночи.

– Нет, мэм, – ответила миссис Фейрбейрн.

– Тогда вини в этом только себя, дитя мое. Слушайся родителей – и будешь счастлива.

– Это зависит от... – начала было мама, но осеклась, спохватившись, что завтра власть перейдет к ней и все сейчас сказанное, возможно, будет использовано против нее.

Китти, однако, поняла все без слов, сердце ее растаяло, и, обняв маму, она ласково проговорила:

– Бедной моей малышке пришлось тяжело? Не понравилось быть примерной девочкой и слушаться родителей?

Мама, рассмеявшись, прижала Китти к себе:

– Доброй ночи тебе, дорогая, и не волнуйся. Завтра все будет хорошо.

– Надеюсь, – сказала Китти и, еще раз от души поцело-

вав маму, направилась вниз встретить подруг, приглашенных провести вместе с ней этот вечер.

Мистер Фейрбейрн, оставленный на какое-то время в одиночестве, устало откинулся на спинку дивана и закурил сигару, надеясь доставить себе хоть какое-то утешение после трудного дня.

– Это очень дурная привычка, – тут же возник перед ним неизвестно откуда Гарри. – Ни под каким видом не могу тебе такого позволить. Выкини-ка немедленно эту грязную штуку и ступай в классную комнату учить латынь к завтрашнему уроку. А гостиная нам самим нужна.

– Но я так устал... Дай мне, пожалуйста, уже отдохнуть. Не могу я сейчас заниматься латынью, – прохныкал отец, который последний раз зубрил ее в школьные годы.

– Ни слова больше, сэр. Я не намерен слышать от вас никаких оправданий. Постыдно пренебрегать своим образованием! – И Гарри стукнул кулаком, в точности как отец. В самой грозной и непреклонной манере.

Пришлось мистеру Фейрбейрну удалиться и сделать вид, будто он занят латынью, хотя на самом деле он использовал классную комнату, чтобы все-таки покурить и предаться кое-каким размышлениям.

Молодые люди славно покуролесили в гостиной до десяти вечера. Мама лежала без сна, прислушиваясь к веселым голосам внизу и изнывая от жажды увидеть, что там творят дети. А папа заснул, уронив голову на раскрытый учебник.

– Ленивый мальчишка! – разбудил его Гарри, дернув за ухо. – Так вот, значит, как ты занимаешься!

– Не я, а ты! – воскликнул мистер Фейрбейрн, поняв, что срок его испытаний закончился. А затем, подхватив под одну мышку сына, под другую – дочь, зашагал с ними, визжащими и брыкающимися, вверх по лестнице. – Погодите еще чуть-чуть, маленькие негодяи, и уж завтра вам будет на орехи, – потряс он сурово пальцем, опустив их возле двери в детскую.

Но когда с этой страшной угрозой отец удалился к себе, до детей донесся его смех, и они поняли, что грозил он, скорее всего, не всерьез.

– Это была честная сделка, поэтому я не боюсь, – уверенным тоном проговорил Гарри.

– Выглядел он сердитым, но, наверное, притворился, раз поцеловал нас на ночь, – подхватила Китти.

– А странный сегодня был день, правда? – спросил Гарри.

– Мне вообще-то не очень понравилось. Как-то уж чересчур все вышло наоборот, – ответила ему сестра.

– Им вроде бы тоже не очень понравилось. Слышишь? Они там разговаривают. – Гарри поднял руку, привлекая ее внимание, потому что смех за родительской дверью сменился приглушенными разговорами.

– Интересно, наша шутка принесет какую-нибудь пользу? – задумчиво поглядела на брата Китти.

– Погодите и увидите, – высунув из своей комнаты голову в ночном чепце, ответила им тетя Бетси с кивком и улыбкой,

которые отправили детей по кроватям с самыми лучшими надеждами на будущее.

Одуванчик

У самого моря жил рыбак Бен с женой Хетти и малюткой-сыном, по прозвищу Одуванчик, которого называли так, потому что носил он желтые фартучки, а на голове у него золотилась шапка мягких светлых кудряшек. Это была очень счастливая семья. Добрый и трудолюбивый Бен служил ей надежной опорой. Деятельная Хетти так сильно любила мужа и сына и так ревностно о них заботилась, как это свойственно только людям, очень довольным жизнью. И тщетно бы вы искали среди малышей, бродящих по берегу вдоль кромки прибоя или пекущих куличики из песка, хоть одного еще столь же веселого, как Одуванчик.

Так и жили они, пока не стряслась беда. Бен на своей парусной лодке отбыл с флотилией других рыбаков в море. Хетти, по обыкновению, провожала его, стоя на берегу, пока белый парус не скрылся вдали под солнечными лучами. Тогда Одуванчик, тоже по обыкновению, захлопал в пухлые ладошки и сказал: «Папа взвернется скоро».

Только вот папа на этот раз не вернулся. Случилась сильная буря. На море поднялся ужасающий шторм. Некоторым рыбакам удалось добраться до берега. Но Бена среди них не было.

А шторм продолжал бушевать и свирепствовал всю ночь. К утру море выбросило на берег лодку Бена, пустую, пере-

вернутую и разбитую. Товарищи-рыбаки при виде ее лишь скорбно качали головами да прятали лица в огрубевшие ладони. «Бен славным был моряком. Такие живыми лодок своих не покидают», – подумал каждый из них. Они вышли в море на поиски, искали поблизости и вдалеке, но нигде Бена не нашли. И не слышал больше о нем никто ничего. Бедную Хетти все старались по мере сил утешать, но ее охватило такое отчаяние, что соседи боялись, как бы она не поспешила на встречу со своим Беном, бросившись в море. И она бы, скорее всего, так и сделала, если бы не Одуванчик. Он не понимал, отчего люди вокруг теперь так грустны и почему папы так долго нет, но сам не терял жизнерадостности и не переставал повторять убежденно и весело: «Папа взвернется скоро».

И сияющее личико малыша стало для Хетти единственным утешением. Только его увенчанная золотом головка, мелькавшая по дому, делала ее жизнь сносной. И лишь объятия любящих детских рук удерживали ее от стремления утопить свою скорбь в морской пучине.

Люди давно уже перестали верить в фей, и очень зря. Добрые духи по-прежнему приходят к нам на помощь, когда мы переживаем особенно трудные времена. И пусть ныне выглядят они по-иному, чем тайно творящий добро маленький народец из старых сказок, однако волшебной силы своей не утратили. Одного из этих домашних духов звали Любовь. Она вселилась в Одуванчика, чтобы утешить Хетти. Другой,

деятельный и бодрый, по имени Труд, так рьяно взялся за дело, что у Хетти почти не оставалось времени на горькие мысли и тщетные сожаления. Ей ведь теперь приходилось самой зарабатывать на еду для вечно голодного, словно птенец, Одуванчика. Поэтому веретено Хетти крутилось с утра до позднего вечера в унисон со звонким голосом сына, то и дело радостно нараспев повторявшего: «Папа взвернется скоро!»

И, прислушиваясь к его лепету и жужжанию веретена, Хетти переставала плакать. «А вдруг я действительно снова увижу дорогого моего Бена? – говорила она себе. – Может, надо набраться терпения и ждать? Вот как малютка. Хотя надолго ли у него терпения хватит?»

Но терпение у Одуванчика не иссякало. Он по-прежнему стойко и жизнерадостно ждал, с уверенностью распевая: «Папа взвернется скоро. Папа взвернется».

Вид искореженной лодки Одуванчика, конечно, очень расстроил, но в уме малыша кораблекрушение не связалось со смертью, и, поразмыслив, он пришел к выводу, что папа где-то теперь дожидается другой лодки, которая и должна доставить его домой. Соображение это крепко засело в голове Одуванчика. И так как кораблики были его любимыми игрушками и у него их успела собраться целая флотилия, он принялся отправлять суденышки, одно за другим, в море с напутствием найти отца и доставить к родному берегу.

Одуванчику разрешалось играть у воды только во время

отлива. Кораблики его бодро уплывали вдаль, подхваченные отступающими волнами, и мальчик не сомневался, что хотя бы часть их сможет достигнуть далекого порта, где находится папа, но ни одно из его суденышек назад не пришло.

Одуванчик сильно по этому поводу сокрушался, жалуясь на неудачи куликам и крабам-отшельникам, моллюскам и омарам и умоляя чаек слетать на поиски папы. В ненастные ночи, когда море тяжело билось о берег, а ставни под натиском ветра гремели, он требовал, чтобы мама поставила на окно зажженную свечу, как обычно она поступала в ожидании Бена, чтобы тот сквозь тьму и ненастье мог отыскать дорогу к родному берегу.

Хетти послушно свет в окне оставляла, хотя сердце ее сжималось от горестной мысли, что теперь это бесполезно. Но Одуванчик радовался, скакал в ночной рубашке по комнате и повторял неизменные свои слова о возвращении отца с таким счастливым видом, будто ожидание не длилось уже много месяцев.

В погожие, тихие вечера малыш раскачивался в подвесной люльке и, сияя, как одуванчик на солнце, говорил, что это его лодка и он плывет на ней искать папу, пока, устав от игры, не примолкал и не просил маму что-нибудь спеть. Прежде Хетти пела ему на ночь веселые старинные моряцкие песни, но теперь душа к ним не лежала, и она напевала сыну псалмы, пока он не задремывал и голова его не замирала на подушке. Прелестная головка с розовым личиком под

шапкой золотистых кудрей.

«Мой маленький святой» – так все чаще теперь звала сына Хетти и под влиянием его стойкой веры в лучшее все реже плакала. Мудрые тексты древних псалмов вливали свет в ее душу, а работа, занимавшая все ее дни, не оставляла времени для уныния. Соседи дивились свершившимся в ней переменам, причину которых она и сама-то вряд ли сумела бы объяснить. Да и где людям было догадаться, что это без усталости творят чудеса три добрых духа: Любовь, Труд и Надежда.

Прошло полгода. Никто даже и не мечтал уже снова увидеть Бена на этом свете, кроме маленького Одуванчика. А мальчик по-прежнему вглядывался в море, ожидая отца, и Хетти тоже не покидала надежда на встречу с мужем.

И вот одним ярким весенним днем Одуванчик уселся на полу комнаты, сиявшей, как всегда, чистотой, и под жужжание веретена певшей что-то тихонько во время работы Хетти занялся очень важным делом. Солнце лилось на лица сына и матери. Хетти выглядела спокойной и умиротворенной, хотя в волосах ее посверкивала седина, а на лицо нет-нет да ложилась тень затаенной печали. Но Одуванчик сиял, под стать своим золотым кудрям. У него созрел замысел, который он воплощал, сидя у материнских ног, возле таза с водой, предназначенного для испытания нового кораблика. Размышляя о том, почему ни одно судно из прежней его флотилии не дошло до отца, Одуванчик решил, что виной тому был слишком маленький парус. Теперь мальчику подарили новый ко-

раблик, и его требовалось оснастить большим парусом, который уж точно позволит суденышку добраться до папы и доставить его, в целости и сохранности, до дома. Крепко сомкнув губы и сосредоточенно сведя к переносице нежные брови, Одуванчик протергивал обеими руками сквозь кусок грубого холста толстую иголку. Это занятие так поглотило его, что он не услышал, как замерло веретено, как мама застыла в задумчивости, мечтая о встрече с Беном и тоже ничего не слыша и не замечая вокруг.

Так они и сидели, одна – поглощенная мечтами, другой – занятый своим парусом, и от внимания их ускользнуло, как кто-то тихо прошел по песку и жадным взором заглянул в дверь. Это Бен, с трепещущим сердцем, полным любви и нежности к жене и сыну, наблюдал за ними.

Первым увидел его минуту спустя Одуванчик, когда, протолкнув наконец иголку сквозь ткань, от усилия опрокинулся на спину. Над ним возвышался высокий мужчина.

Голубые глаза Одуванчика раскрылись так широко, что, казалось, больше уже никогда не смогут закрыться. И оглушительно-радостный вопль вырвался из души его: «Папа взвернулся!»

Тут крепкие руки отца подхватили Одуванчика вместе с парусом и корабликом, крепко прижали к широкой груди, и мальчик утонул в складках грубой куртки. Хетти ринулась к ним, опрокинув прялку, и тоже канула в объятиях мужа. И на какое-то время для всех троих перестало что-либо

существовать, кроме поцелуев, радостных всхлипываний и благодарностей Небесам за ниспосланное чудо.

Когда первые восторги чуть улеглись, Бен устроился в своем любимом старом кресле, усадил жену на одно колено, а мальчика – на другое и принялся им рассказывать, как его лодку разбило штормом, как был он спасен командой проходившего, по счастью, вблизи корабля и как вскорости заболел, тяжело и надолго, так что лишь недавно набрался достаточно сил для обратного плавания.

– Это мой кораблик его привез, – сказал Одуванчик в полной уверенности, что одно из его суденышек все же достигло цели.

– Так и есть, наш любимый! Только не твой кораблик, а твоя вера! – воскликнула Хетти, прижимая к себе головку, увенчанную золотыми кудрями.

И она поведала мужу, как верил малыш в его возвращение и как старался приблизить момент их встречи.

Мало слов произнес в ответ Бен. Потому что, когда открывается вдруг, из какого источника изливалась на вас чудодейственная сила, позволившая добраться сквозь все препоны и преграды до родного дома, и крохотный этот источник сидит на вашем колене, дара речи на время можно лишиться. И бывалый моряк, роняя крупные слезы на свой бушлат, молча глядел то на сына, то на корявый парус с двумя неумелыми стежками.

И никого не удивило, когда свою новую лодку он назвал

«Одуванчик». И никому не казалось смешным, что над очагом в доме Бена в качестве главного украшения висит корявый парус.

И когда по прошествии многих лет постаревший Бен устраивался на крыльце с внуками, они часто просили его рассказать очень им любимую историю, которая завершилась словами: «Папа взвернется скоро».

Мадам Кудах и ЕЕ семейство

Материнская гордость мадам Кудах не знала границ, когда вела она за собой потомство из восьми пушистых цыплят по имени Шантеклер, Пыж, Снежинка, Веснушка, Пип, Пек, Пуша и Клякса. Не успели они еще выбраться из своих скорлуп, как распищались, царапая коготками землю, до того весело, словно огромный мир, обнаруженный ими, создан специально для них. Отличный выводок получился, одна беда: он был первым у мадам Кудах, и она не имела ни малейшего представления, как с ним обращаться, что немедленно бросилось в глаза пожилой, опытной наседке, тетушке Ракушке, предсказавшей: «Боюсь, эти бедные лапочки плохо кончат».

Увы, старая квочка как в воду глядела, в чем вы убедитесь сами, когда я поведаю вам печальную историю неудачливого семейства.

Начало трагическим обстоятельствам положил Шантеклер, самый задиристый из всех петушков, еще не достигших возраста зрелого кукареканья. Он начал драться, прежде чем у него хоть одно перо в хвосте появилось, снискав себе славу самого злобного из цыплят, обитавших на ферме. Сперва Шантеклер исклевал основательно сестер и братьев своих, а затем решил обойтись тем же самым манером с товарищами по играм: утятами, цыплятами и индюшатами. Враждебные его наскоки их возмутили, и они прониклись к забияке стой-

кой ненавистью. Шантеклер, однако, не унимался. Когда на дворе появилась пара мелких бентамов (петушок и курица, красивые, белые, с красными гребешками и желтыми лапами), он, возомнив, что способен легко одолеть мистера Бентама, такого с виду тщедушного, вызвал его на бой. Мистер Бентам вызов принять отказался. Тогда Шантеклер, обругав его трусом, клюнул миссис Бентам. Оскорбленный супруг ее разъярился. А так как происходил он из породы бойцовых петухов, то и атаковал обидчика далеко не шуточным образом. Завязалась ужасная драка. Шантеклер потерпел сокрушительное поражение и от полученных ран погиб.

Пуша и Снежинка вскорости последовали за ним. Эти милые существа чересчур увлекались качанием на лопухе, который навис над самым ручьем. И вот однажды, когда две пухленькие сестрички сидели рядышком, лист качался, а ручей под ним нес коричневатые свои воды, стебель вдруг – страшно даже подумать – треснул и надломился. Исход очевиден. Цыплята вместе с листом низринулись навстречу неминуемой гибели в водной пучине.

«Из всех куриц, которые когда-либо высиживали птенцов, нет ни одной несчастнее меня», – сокрушалась бедная мадам Кудах и, увы, не преувеличивала, потому что на следующей же неделе несчастья ее усугубились.

Веснушка, самая красивая из всего выводка, отправилась с тетей Ракушкой на большое поле через дорогу пошуровать, как они это назвали, в траве. Веснушка поистине заме-

чательно провела там время. Кузнечики как на подбор попадались живенькие и толстенькие, и тетя Ракушка пребывала в необычайно хорошем настроении. «Никогда не спасайся бегством. Опасность нужно встречать лицом к лицу и побеждать. Именно так поступают все достойные курицы и цыплята», – поучала она Веснушку, когда та с паническим писком кинулась наутек от жабы. Но едва высокопарное это напутствие вылетело из клюва тети Ракушки, как, испуганная тенью, упавшей на нее сверху, она подняла голову и с перепуганным кудахтаньем со всех ног кинулась прочь. А маленькая Веснушка, помня тетин совет и не сознавая опасности, осталась на месте. Между тем ястреб, нарежая круги, спускался все ниже и ниже, пока в метком броске не схватил когтями несчастную. «Но тетя же не велела мне спастись бегством! Пи-пи! Что же теперь делать?» – уныло пропищала она, когда ястреб уже уносил ее.

То был еще один ужасный удар для миссис Кудах. Тетя Ракушка потом целый день не решалась показываться кому-либо на глаза. История-то быстро стала известна всем обитателям птичьего двора, и они дружно осудили наседку, у которой слово расходится с делом.

Пыж, второй сын миссис Кудах, уродился на горе тщеславным и мечтал перекукарекать всех петухов, обитавших поблизости и вдали. С утра до вечера он пыжился, изводя всех писклявыми и до смешного беспомощными потугами изобразить басовито-звонкий петушиный крик. Усаживался

повыше и шею вытягивал так, что голова едва не отрывалась и горло надсаживалось от тщетных усилий.

«Эх... Вот бы взлететь на самую высокую балку в амбаре... Тут бы все и услышали самое лучшее в мире „кукареку“. Сразу узнали бы, какой я молодец» – так говорил этот глупыш, косясь на чердачное перекрытие, облюбованное старым петухом.

И каждый день все пыжился и пыжился, не оставляя попыток взлететь и прокукарекать на всю округу, пока и в самом деле не достиг вожденного насеста. Как же он тут заважничал, как встопорщил перышки, презрительно оглядывая сородичей, сидевших внизу!

– Гляди: упадешь и расшибешься, – предупредила его сестрица Клякса.

– Закрой свой клюв, уродина! Обойдусь без твоих советов. Я готовлюсь прокукарекать и не позволю, чтобы какая-то глупая курица сбивала меня с настроя. Эй, вы, там, внизу! Замолчите! Слушайте лучше. Я сейчас заткну за пояс своего отца!

Цыплята перестали копошиться в соломе и пицать, уселись рядком и замерли в ожидании, пока Пыж устраивался поудобней на высоте, всем своим видом показывая, что вот-вот выдаст феноменальное «кукареку», но издал он только хриплый писк. Цыплята насмешливо запищали. Пыж разозлился, сердито кудахтнул, захлопал крыльями и повторил попытку.

Бедный недопетух! Он так резко вытянулся в стремлении превзойти отца, что, потеряв равновесие, сорвался с балки и грохнулся на твердый пол, что мгновенно положило конец его недолгой жизни.

Так вот миссис Кудах и осталась с тремя дочерьми, которых теперь не отпускала от себя ни на шаг, пока не допекла их вконец своим непрерывным тревожным квохтаньем. Пип и Пек были очень друг к другу привязаны и все делали вместе. Пип отличалась большим любопытством, а Пек – неутолимым аппетитом. Каждая дырка и каждый угол манили Пип заглянуть в них и тщательно изучить все, что там находилось, в то время как Пек съедала все, что отыскивала. Предаваясь чревоугодию, она не удосуживалась проглатывать камешки, которые необходимы курам для пищеварения, и ее часто потом изводили колики.

– Посидите спокойно, мои дорогие. Из курятника ни шага, – как-то предупредила дочерей миссис Кудах. – Я собираюсь снести яйцо, и мне будет некогда за вами приглядывать.

– Да, мам, – пропищали сестры, но стоило маме зарыться в сено, как они принялись бегать повсюду, наслаждаясь свободой.

Пип нашла узкий проход в отсеке с кормом. «Сперва осмотрюсь там и сама немного поем, а потом Пек позову. Вот она обрадуется!» – подумала любящая сестра, восторженно оглядывая пухлые мешки, полные лари и нагруженные кора.

Отведав всего понемногу, она уже приготовилась удалиться, но тут раздались шаги работника. Пип от испуга потеряла из виду щель, сквозь которую пробралась, и спряталась в открытом баке. Вошедший работник Сэм ее не заметил, зато заметил, что ларь с кормом открыт, и закрыл его тяжелой крышкой, чем обрек Пип на гибель. Долго никто не мог понять, куда она подевалась, пока несколько дней спустя ее случайно не обнаружили среди корма, бездыханную, с простертыми вверх, словно в мольбе о помощи, лапками.

Пек тоже подстерегла беда. В поисках вкусенького она забрела в овчарню, там обнаружила соль и наелась до отвала, не зная, насколько вреден курам этот продукт. Сытая и довольная, лакомясь по пути мошкаррой, Пек вернулась как раз к тому времени, когда мама с громким «куд-кудах» вылезла из сена.

– Где Пип? – спросила она у Пек.

– Не знаю, мама, – развела крыльями та и вдруг закачалась, как пьяная. И глаза у нее закатились.

– Что такое с этим птенцом? – возопила в тревоге миссис Кудак.

– Припадок, мэм, – объявил доктор Дрейк, шествовавший вперевалку мимо.

– Ох, и что же мне теперь делать? – вскричала обезумевшая мамаша.

– Ничего, мэм. Это не лечится, – поставил диагноз доктор и отправился к сыну фермерши, у которого в горле застряла

косточка.

А миссис Кудях осталось лишь всхлипывать, глядя, как ее дитя корчится на спине, в муках закатывает глаза, задыхается, потому что помочь Пек действительно было ничем нельзя.

Когда малышка навеки затихла, ее погребли под кустом смородины, накрыв могилку мокричником. Скорбящая родительница повязала на лапу черную ленточку, и траур ее продлился целый месяц.

Кляксе, последней из выводка, никакой траурной ленты не требовалось. Она и так была черной как ворон. По сей причине мать любила ее меньше остальных своих детей, белых, серых и желтых. Клякса вообще не привлекала к себе ничьего внимания. Однако теперь, когда она осталась единственным детищем миссис Кудях, той наконец сделалась ясно, какой это хороший и ласковый цыпленок.

Клякса стала для миссис Кудях большим утешением. Никуда не пыталась сбежать, неукоснительно слушалась, всегда была рядом, готовая спрятаться под материнское крыло или принести родительнице аппетитного жучка, когда той приходило желание съесть что-нибудь вкусненькое.

Так они и жили вдвоем очень счастливо почти до самого Дня благодарения, накануне которого ферму охватила гибельная напасть, жертвами коей пали многие индюшки, куры, утки и гуси, внезапно представшие взорам выживших родственников ошипанными, бледными и неподвижными, а

затем унесенные туда, откуда птицы не возвращаются.

Клякса, разбуженная посреди ночи громким кудахтаньем, оглашавшим курятник, увидела со своего насеста огромную руку, скользнувшую по нижней перекладине. Миг – и миссис Кудях была схвачена. «Прощай! Прощай моя дорогая!» – прокричала она напоследок Кляксе.

И тете Ракушке, сколь мускулистой и жилистой та ни была, как яростно ни хрипела, сопротивляясь, не удалось избежать печальной участи. Многих еще кур и петухов сграбастала таинственная рука, оставив к утру в курятнике всего несколько птиц.

Клякса, чувствуя себя совершеннейшей сиротой, спрятала голову под крыло и замерла на много часов, поглощенная мыслями о своей тяжелой доле и мечтами о встрече с семьей в лучшем мире, где птицам ничто не угрожает. Мечта ее вскоре сбылась. Случилось это, когда с холодного серого неба полетели на землю первые снежинки. Выйдя во двор, Клякса увидела котенка. Он сидел под забором и жалобно мяукал.

– Что с тобой? – спросила у него добрая Клякса.

– Я потерялся и не могу найти дорогу назад. В красный фермерский дом за холмом. Ума не приложу, как теперь до него добраться.

– Я помогу тебе. Пошли скорее. А то ночь близко. И снега может нападать слишком много, – сказала Клякса.

И они пустились в путь. Торопливо, насколько позволяли короткие лапки. Но идти пришлось долго, а сумерки сгу-

стились гораздо раньше, чем они увидели красный фермерский дом.

– Большое тебе спасибо, – поблагодарил котенок, когда они наконец достигли цели. – Теперь я в безопасности. Может, зайдешь и останешься на ночь? Моя мама будет рада видеть тебя. – И он потерял белой мордочкой о черную грудь Кляксы.

– Нет, это против наших правил – оставаться на ночь в чужом доме. Так что до свиданья, дорогуша!

И Клякса заковыляла обратно по заметенной снегом дороге. Она очень надеялась попасть в курятник, прежде чем его дверь запрут, поэтому шагала все быстрее и быстрее. Тьма сгущалась, лапки у Кляксы, пока брела она через снежные заносы, совсем замерзли. Между порогом и дверью амбара сквозь щель просачивался отсвет огня в очаге, однако внутрь Клякса войти не могла. Дверь уже заперли. И не найти ей было другого убежища, кроме ветки дерева, с которой давно облетели листья.

Слишком замерзшая и усталая, чтобы взлететь, Клякса прижалась поближе к свету под запертой дверью, дрожа, засунула голову под крыло и, стараясь не думать о холоде, льдистом ветре и усталости, ждала наступления утра, которого не суждено ей было дожидаться. Утренний свет упал на нее, навеки застывшую под снежным покрывалом. Так что добросердечным детям фермера оставалось только со скорбными вздохами выкопать могилку для последней из незадач-

ливого семейства Кудах.

Странный визит

Я порой задаюсь вопросом: о чем думают целыми днями все эти городские памятники и что, обладай они даром речи, сказали бы о нас и наших делах? Вот стою иногда перед ними и размышляю, не одиноко ли им? Может, они бы обрадовались, если бы мы, прохожие, поравнявшись с ними, приветствовали их, хотя бы кивком? Когда идет дождь или снег, мне хочется защитить своим зонтом их непокрытые головы. Особенно славному Бену Франклину. Становится жаль, когда высокое его чело, вместилище благородных дум, скрывается под слоем снега. Симпатию к этому старому джентльмену я испытываю с детских лет. С того самого времени, как узнала историю, которая стала одной из самых моих любимых. Будучи совсем еще молодым и небогатым, он однажды купил себе три большие булки. Две нес под мышками, а третью ел на ходу, шагая по Филадельфии. Этой трети от купленного ему показалось вполне достаточно, и, едва ощутив, что голод утолен, он без колебаний отдал две оставшиеся булки нищенке и ее ребенку. Если имеешь больше необходимого, поделись с обездоленным. Такого вот принципа придерживался всю жизнь замечательный Бен. И еще мне очень хотелось бы, чтобы он знал, сколь признательна я ему за вклад в типографское дело. Что стало бы с книгами без изобретенных им типографских станков?

Впрочем, мог ли он понять, отчего так пристально его разглядывает некая долговязая особа в большом капоре? Но он понимал, и мое внимание ему польстило, и он даже сумел сообщить мне об этом наистраннейшим способом, о коем вы узнаете далее.

Из окна мне отчетливо виден огромный позолоченный орел, венчающий купол Старой ратуши Бостона. Он сидит там с распростертыми крыльями, изо дня в день разглядывающая прохожих, которые ему, видимо, с высоты представляются муравьями, снующими вокруг муравейников. Солнце очень эффектно играет на нем по утрам. Флаг весело колыхается рядом, иногда шурша на ветру. А лунными вечерами бока величественного пернатого серебрятся. Когда идет дождь, он капель с крыльев не смахивает. И сколько бы ни стегали его метели, не в силах они нарушить его величавого спокойствия. Прятать голову под крыло ниже его достоинства. Он вечно невозмутим, вечно на страже, при свете дня и в вечерней тьме, как бдительный часовой на посту. Мне всегда нравилась одинокая эта птица. Я ощущала уникальность ее в мире пернатых и сожалела, что никогда орел не сможет повернуться ко мне и завести беседу, пока однажды не случилось такого, что я и представить себе не могла в самых смелых мечтах.

Стояла ненастная ночь. Задергивая штору, я попыталась разглядеть сквозь пелену метели пернатого своего соседа, но нисколько в этом не преуспела.

«Бедное мое золотце, – подумалось тогда мне. – Надеюсь, северо-восточный ветер не сдует его с насеста».

Я села у огня, взяла вязание и погрузилась в свои мысли, но готова поручиться, что не заснула, да и времени для этого просто не хватило бы. Стук в дверь раздался, по-моему, почти сразу же.

– Войдите! – крикнула я, совсем как мистер Эдгар По, когда к нему явился с визитом несимпатичный Ворон.

Но никто не вошел. Я направилась в прихожую посмотреть, в чем дело. Никого. Лишь моя карликовая пуделиха Джесси мирно спала на своей подстилке. Я вернулась к огню, но минуту спустя стук повторился. На сей раз куда громче прежнего и настолько отчетливо, что стало ясно: доносится он не от двери, а от окна. Я подошла, ожидая увидеть одного из знакомых мне голубей, подняла раму, и... что-то огромное и сияющее перепугало меня и почти ослепило.

– О мэ, не бойтесь, это всего лишь я, – произнесло нечто сильным голосом.

Чуть успокоившись, я протерла глаза, и удивленному моему взору предстал золотой орел с купола ратуши. Не жду, что вы мне поверите, но искренне сожалею, что вам этого видеть не довелось. Уверяю вас, зрелище было исключительным. Как удалось ему втиснуться в мое окно, объяснить ни вам, ни себе не могу, но удалось же! И теперь орел величественно вышагивал взад-вперед по комнате. Золотое его оперенье шелестело. Сверкающие глаза внимательно изуча-

ли все, что оказывалось в поле их зрения.

Я застыла столбом, не зная, что делать, понятия не имея, зачем он явился, и терзаясь сомнениями, прилично ли будет предложить ему стул. Он настолько превосходил меня размерами, что спокойно мог бы уволочь под небеса в огромных своих когтистых лапах. Несколько опасаясь разделить судьбу Синдбада-морехода, унесенного волшебной птицей, я на всякий случай бочком-бочком переместилась поближе к двери, готовая кинуться наутек при первой же попытке гостя похитить меня или клюнуть. Он, однако, вел себя вполне мирно. Несколько раз взад-вперед прошелся от стены до стены, похоже благожелательно принимая мое почтительное молчание, затем остановился, вежливо мне кивнул и произнес вполне дружелюбно:

– Добрый вечер, мэ. Я прибыл, чтобы выразить вам почтение от лица старого Бена и справиться, как ваши дела.

– Очень вам обязана, сэ, – откликнулась я, – но позвольте узнать, кто такой этот старый Бен. Боюсь, не имею чести быть с ним знакомой.

– О, напротив. Имеете. Это Бен Франклин со двора ратуши. Вы хорошо с ним знакомы, и он пожелал, чтобы я от его лица принес вам благодарность за ваше любезное к нему внимание.

– Ах, как странно... – вырвалось у меня. – Не угодно ли вам будет сесть, сэ?

– Никогда не сию. Только стою. – И огромный орел при-

нял обычную свою позу возле очага, причем выглядел так эффектно, что я глаз не могла отвести от него. – О, вы часто именно так на меня и смотрите. Но не смущайтесь, пожалуйста. Мне это нравится, – благосклонно проговорил он, по-птичьи скосив на меня сверкающий бриллиантом глаз.

Я и впрямь изрядно стусевалась, но, видя такое его, явно дружеское расположение, набралась отваги, чтобы сказать:

– Не считите бестактным мое женское любопытство, но меня очень интересует, как это получилось, что, неотлучно прикованный высокими обязанностями к макушке ратуши, вы исхитрились оттуда отлучиться?

Он повел крыльями и даже вроде бы заговорщицки мне подмигнул:

– Мало же вы, люди, знаете о том, что происходит у вас под носом. Благослови вас, мэм, я покидаю насест свой каждую ночь, чтобы доставить себе наслаждение всяческими забавами. Это вполне орнитологично. Уж извините за такое выражение, которое, впрочем, в моих устах звучит гораздо уместнее, чем в человеческих.

«Какая веселая старая птица!» – подумала я, начиная все свободнее себя ощущать в обществе орла, и спросила:

– И чем же, скажите, пожалуйста, вы себя развлекаете, после того как на землю спускаются сумерки? Вот уж резвитесь, наверное, от души после целого дня неподвижности.

– Я джентльмен, мэм, и всегда веду себя подобающе, – величаво проговорил орел. – Вот только курю, вынужден кон-

статировать, многовато. Не по своей, правда, воле, а исключительно из-за скверного поведения печных труб. Они постоянно дымят, вот я и вынужден вдыхать непрестанно их дым, как вы, бедные леди, вдыхаете дым сигар и курительных трубок, хотите того или нет. Собственные мои развлечения весьма полезного свойства. Начинаю обычно я с длительного полета к гавани с целью внимательно обозреть маяки, корабли, острова и море. Чайки, мои друзья, мне докладывают о положении дел. Они – полиция гавани, а я беру на заметку результаты их наблюдений. Объект особого моего интереса – учебный корабль. Я опускаюсь на его топ-мачту, откуда слежу, хорошо ли ребята осваивают премудрости мореходства. Затем описываю широкий круг над городом, болтая попутно с флюгерами и любезничая с колоколами, проверяя исправность противопожарных средств и слушая телеграфные провода, чтобы всегда быть в курсе последних событий и новостей. От людей часто можно услышать такую фигуру речи: мол, какую-то новость им птичка принесла в клювике. Знали бы вы, откуда произошло это выражение. А суть-то вся в том, что, когда воробьи садятся на провода, их дергает током, и, поскольку кости у этих птичек полые, новости попадают из проводов прямиком в их головы. Вот они потом, разлетаясь кто куда и чирикавая на крышах домов, делятся последними известиями с ветром, который разносит их чириканье повсюду. Именно так распространяются слухи.

– Вы позволите мне записать интереснейший этот факт? –

попросила я разрешения, хотя и несколько сомневаясь, можно ли ему верить.

Гость мой, пока я записывала историю про воробьев, стоял с таким видом, будто ожидал чего-то, и мне пришло в голову предложить ему поздний ужин, но он с вельможным видом отказался:

– Благодарю, но я только что поужинал в Паркер-хаусе.

Тут уж мое недоверие достигло столь сильной степени, что я не сумела его скрыть, и тогда он мне ответил:

– Вкусных запахов, которые поднимаются к моим ноздрям из этого великолепного отеля, вкупе с ароматами Тремонт-стрит более чем достаточно для утоления моего аппетита. Тем более что желудка у меня нет, а значит, и пища мне не нужна. Пью же я исключительно воду.

– Хотелось бы мне, чтобы все остальные утоляли жажду одной лишь водой, – сказала я. Пусть поляя внутри птица и не могла похвастать богатым внутренним содержанием, мое уважение к ней неуклонно возрастало. – Позвольте мне спросить, другие статуи в городе тоже летают?

– Нет, но в парках прогуливаются и временами собираются, чтобы обсудить политику, образование, медицину и прочие интересующие их материи. Можете мне поверить, мы великолепно проводим время, пока вы, люди, спите. Это вполне для меня окупает необходимость быть не жаворонком, но совой.

– А статуи, установленные под крышей, навещают ваши

собрания? – спросила я, твердо решив ближайшей же лунной ночью отправиться на прогулку.

– Иногда. Видите ли, пребывание в теплых помещениях делает их слишком ленивыми и изнеженными, в то время как нам нипочем плохая погода и холод. Мы крепки, выносливы и сердечны. Не удивился бы, увидав, как Уэбстер или Эверетт⁸ с ветерком объезжают Общественный парк на новомодных велосипедах, ибо очень привержены физическим упражнениям. А что касается Гёте и Шиллера, они часто выходят из витрины художественного салона «Де Врис» побеседовать с древнеримскими богинями, которые в таких случаях спешат им навстречу, покинув свои ниши на фронте здания Садоводческого общества. Эти милые молодые особы весьма атлетичны. Зовут их Помона и Флора. Если бы ваши девушки увидели, как богини бегают по паркам, то устыдились бы собственной неестественной манеры ходить и прониклись бы прелестью античной осанки. Вот где подлинный образ красоты. Плечи развернуты, спина прямая, ноги тверды и подвижны.

– А много ли вам попадается во время прогулок обездоленных, с бедами их и невзгодами? – поторопилась уйти я от обсуждения походки, осанки и прочего, на что орел придерживался слишком уж старомодных взглядов.

⁸ *Дэниел Уэбстер* (1782–1852) и *Эдвард Эверетт* (1794–1865) – видные американские государственные деятели, памятники которым установлены в Бостоне. – *Примеч. ред.*

– Много печального, – вздохнув, покачал он головой и быстро добавил: – Но в нашем городе проявляют все больше участия к обездоленным. Благотворительные заведения плодотворно работают. Кстати, услышал я тут намеренно об одном из таких богоугодных мест. При церкви открылась воскресная школа для всех бедных детей, которые пожелают в нее ходить. Там их ожидают уютные классы с книгами и картинами, добрые просвещенные учителя и участливый по-отечески священник, готовый насытить изголодавшиеся по духовной пище души. Мне это нравится. Вот уж воистину воплощение слов Христа: «Пустите детей, не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное». Не знаю уж, как вы, мэм, но я лично именно это и считаю истинно христианским поведением.

Ему это нравилось, приверженному филантропии старинно-орлу! Он зашуршал огромными крыльями, словно намереваясь помахать ими, если бы хватило простора. И просиял вдруг каждым своим пером – слишком ослепительно, чтобы это можно было посчитать отблеском не слишком-то яркого пламени у меня в камине.

– А вы, значит, не чужды литературе? – полюбопытствовал он, по виду захваченный вдруг какой-то идеей, которой собрался меня заразить.

– Ну-у, немного работаю в этой области, – застенчиво хмыкнув, ответила я.

– Так расскажите же людям об этом месте. Напишите о

нем какие-нибудь истории. Помогите учить детей. Сделайте, что возможно, и других побудите к посильному участию. Пусть хоть один день в неделю солнечный свет прольется на тех, кто во все остальные дни прозябает в непроглядном мраке!

– С удовольствием сделаю все, что в моих силах. И сделала бы уже, знай я раньше...

– Знали бы, – перебил меня он, – если бы относились внимательнее к творящемуся вокруг. Ах, как же вы, люди, поглощены собственными делами. И не делаете даже половины возможного для ближних. Так. Дайте-ка мне листок бумаги. Я напишу вам адрес, лишив повода забыть о том, что я вам говорил.

«Помилуйте, да он и это умеет!» – воскликнула я про себя, когда он выдернул из золотой груди перо, раздвоил клювом кончик и уверенной лапой написал быстро следующее: «Церковь Учеников. Стучите, и вам откроют». Буквы вышли у него золотыми. И пока я разглядывала прямоугольную бумажку, коря себя за то, что не удосужилась узнать раньше о замечательной школе, мой друг (да, именно друг, он теперь не кажется мне незнакомцем) упрятал среди перьев на груди золотое стило и произнес деловито:

– Ну а теперь мне пора. Старый Бен зачитывает сегодня статью на тему злоупотреблений нынешней прессы, а потом я должен выступить.

– Как это, наверное, интересно! Полагаю, смертным при-

сутствовать на ваших встречах не позволено? – Я прямо-таки загорелась желанием пойти, несмотря на отчаянную непогоду.

– Видите ли, мэм... Чтение организовано в Общественном парке, и я сомневаюсь, что существо из плоти и крови сможет выдержать подобное ненастье. Лишь бронзе, мрамору и дереву это под силу.

– Тогда всего вам доброго! И умоляю, заглядывайте почаще, – проявила я гостеприимство.

– Всенепременно. Ваша обитель – недурное гнездо для орла. Только не ожидайте дневных визитов. До наступления ночи я на посту. Глаз не спускаю с того, что вверено моему попечению. Город нуждается в зорком присмотре. Именно так, дорогая моя. О, часы на Старой Южной церкви уже бьют восемь! Ваши на семь минут отстали, мэм. Доброй вам ночи!

– Доброй ночи!

Я подняла раму, и огромная птица выпорхнула из окна в метель и бурю ослепительной вспышкой света, оставив меня до того изумленной, что мне до сих пор не удалось еще до конца оправиться от потрясения.

Рождество Тилли

– Я так рада, что завтра Рождество и у меня будет куча подарков!

– Я тоже рада, хотя мне подарят только пару варежек.

– И я рада, хотя подарков вовсе не получу.

Так беседовали между собой три девочки, возвращаясь из школы домой. И, услышав сказанное третьей, первые две посмотрели на нее с жалостью и некоторым удивлением. Потому что вид у нее был радостный, а чему там радоваться, если ты до того бедна, что даже на Рождество не получишь ни одного подарка?

– А ты не мечтаешь найти кошелек прямо здесь, на дороге? – спросила Кейт, та из троих, что ожидала «кучу подарков».

– Конечно, если смогу его взять, не поступаясь совестью. – У Тилли даже глаза загорелись, едва она такое себе представила.

– И что бы тогда купила? – поинтересовалась Бесси, руки которой изрядно замерзли в ожидании новых варежек.

– Два больших теплых одеяла, вязанку дров, шаль для мамы, себе ботинки и новый капор для тебя, Бесси, чтобы не пришлось больше ходить в старой фетровой шляпе Бена, – перечислила Тилли.

Девочки засмеялись, и Бесси, натянув по самые уши ви-

давшую виды шляпу брата, ответила, что, конечно, очень благодарна за добрые намерения, но предпочла бы конфеты.

– Смотрим внимательно! Вдруг и в самом деле наткнемся на кошелек. Люди перед Рождеством всегда ходят с деньгами. Кто-нибудь вполне мог их потерять, – сказала Кейт.

И, двинувшись дальше по заснеженной дороге, девочки начали, полушутя-полусерьез, пристально поглядывать по сторонам.

– Вижу! Нашла! – вдруг радостно взвизгнула Тилли и кинулась в сторону от дороги.

Подруги последовали за ней, однако находкой остались крайне разочарованы. Ничего общего с кошельком, полным денег. На снегу, распластав крылья и чуть подрагивая в тщетной попытке взлететь, лежала птичка. Лапки ее онемели от холода, глаза потускнели, и жалобный писк походил не на веселую песню, а на мольбу о помощи.

– Ничего, кроме дурацкой замерзшей малиновки! Вот ведь досада! – воскликнула Кейт, опускаясь на снег, чтобы немного передохнуть.

– Даже дотрагиваться до нее не хочу. Я уже находила однажды такую. Позаботилась о ней, отогрела. И где благодарность? Как только очухалась, тут же и улетела, – подхватила обиженно Бесси, залезая под шаль Кейт и пытаясь отогреть озябшие руки у себя под подбородком.

– Бедная птичка, как же она, должно быть, рада, что кто-то пришел ей на помощь. Сейчас вот возьму ее осторожнень-

ко и отнесу домой, к маме. Не бойся меня, дорогая, я тебе друг. – И Тилли, опустившись на колени прямо в снег, с нежностью и сочувствием протянула руки к полуживой малиновке.

Кейт и Бесси только рассмеялись:

– Некогда нам с ней возиться. Вон как уже стемнело. И холодно. Пошли, Тилли, дальше. Может, еще повезет кошелек найти.

И обе двинулись обратно к дороге.

– Нет, мы не оставим ее здесь одну умирать! – выкрикнула возмущенно Тилли. – Я рада ей гораздо больше, чем кошельку. Он только ввел бы меня в соблазн потратить чужие деньги. А этой бедняжке нужна моя помощь, и мы с ней будем друг друга любить. Как же удачно, что я подросла вовремя!

С этими словами она бережно подняла птицу. Та, обхватив коготками пальцы девочки, принялась обустроиваться с благодарным писком в теплых ладонях, и взгляд ее мало-помалу стал оживать.

– Видите, я все-таки не осталась без подарка, – расцвела в улыбке Тилли, когда они снова зашагали по дороге. – Мне давно уже хотелось завести себе птичку. И эта станет великолепным питомцем.

– Да она улетит от тебя при первой возможности или сдохнет. Не трать на нее зря время, – махнула рукой Бесси.

– Уж во всяком случае, ничем не оплатит за доброту, –

подхватила Кейт. – А мне мама объяснила, что нет никакого смысла помогать тем, от кого сам помощи не дождешься.

– А вот моя мама говорит: «Возлюби ближнего, как самого себя». Это значит: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». И мне бы, к примеру, хотелось, чтобы наш богатый сосед, мистер Кинг, не прошел мимо, если я буду умирать на снегу от голода и холода, – возразила Тилли, отогревая дыханием окоченевшую птицу. Судя по благодарному взгляду круглых крохотных глаз, птаха уже успела проникнуться к ней полным доверием.

– Ну ты и странная! – покачала головой Кейт. – При чем тут любовь к ближнему? Это же просто птица. А мистеру Кингу на вас наплевать, хотя он и знает, до чего вы бедны. Так что на его помощь даже не надейся.

– А я все равно верю в любовь к ближнему. И поступлю, как решила. Спокойной вам ночи и счастливого Рождества!

И, попрощавшись с девочками, Тилли свернула к убогому домику, где уютилась вместе с мамой. Из глаз у нее покатились вдруг слезы. Горько терпеть беспросветную нужду. Она бы тоже не отказалась получить завтра в подарок множество красивых вещиц, которыми в состоятельных семьях наполняют рождественские чулки. А еще приятнее было бы подарить хоть что-нибудь маме, которой столько всего нужно, но ведь не купишь, когда денег едва хватает на еду и дрова.

– Ладно, птичка. Постараемся радоваться тому, что имеем. Будем веселыми тяготам наперекор. Для тебя-то Рожде-

ство уж точно будет счастливым. И я знаю, Бог нас не оставит, даже если оставят все остальные.

И, вытерев слезы, Тилли прижалась щекой к мягкой грудке малиновки, хотя та не могла помочь ей ничем, кроме преданности и любви.

– Смотри, мама, какой я нашла прекрасный подарок! – В дом девочка вбежала уже совершенно утешенная, сияя так, что, казалось, солнечный луч пронесся по полутемной комнате.

– Вот так удача, моя милая... Я-то, увы, не смогла ничего добыть своей девочке, кроме румяного яблока. Бедная птичка. – Мама Тилли склонилась над малиновкой. – Дай ей чуточку своего молока с хлебом.

– Ой, как много! – воскликнула Тилли, глядя с улыбкой на большую полную миску, окутанную аппетитным паром. – Ты мне что, и свое молоко отдала?

– Мне хватило, милая. Поставь-ка скорее сушиться ботинки, а птичку устрой в моей корзине, на кусочке мягкой фланели.

Отворив кухонный шкафчик, в котором нашелся лишь черствый хлеб, Тилли тихо проговорила самой себе:

– Мама, зная, какая голодная я вернусь, решила отдать мне все молоко, а сама обошлась без ужина. Но мне, пока она колет дрова, удастся ее удивить. Будет у нее ужин.

С этими словами Тилли сняла с полки старый ковшик, плеснула в него молока из своей миски, подогрела, маслом,

которое было оставлено ей, намазала черствый хлеб, хорошенько потом его подрумянив, заварила чай и извлекла из кармана припасенную для мамы булочку, которой Тилли угостила одноклассница. К возвращению матери все было готово, Тилли и птичка ждали, когда мама сядет за стол, передвинутый на самое теплое место в комнате.

Ужин, конечно, вышел донельзя скромным, но приятным, ибо приправлен был любовью, самопожертвованием и способностью радоваться даже самой малости. И настроение у сидящих за бедным столом в канун Рождества было куда более праздничным, чем у их соседей из огромного особняка, где сиял яркий свет, жарко пылал огонь в очаге, блистала игрушками и огнями пышная ель с грудой подарков под нею, звучала музыка, а дети резвились и танцевали.

– Лечь сегодня придется пораньше. Иначе дров на завтра не хватит. Зато послезавтра со мной расплатятся за работу, и мы сможем купить еще, – сказала мама, когда они с Тилли устроились возле огня.

– Вот было бы здорово, если бы птичка моя оказалась волшебной. Предложила бы вдруг исполнить три любых наших желания. Но она, бедненькая, ничего не может нам дать, хотя я все равно довольна, что она теперь живет у меня. – И Тилли с нежностью глянула на малиновку, которая сидела в корзине, спрятав голову под крыло. Такой уютный комочек из перьев.

– Она предложила тебе куда больше, чем три желания. Ты

ведь счастлива, оттого что спасла ее. И ощущение это – одно из лучших, которые нам дано пережить. Как бедным, так и богатым. – Говоря это, мама нежно гладила дочку по голове.

Тилли вдруг дернулась под ее рукой. Взгляд девочки был обращен к окну.

– Мама, к нам какой-то мужчина заглядывает. Нет, исчез уже. Но я видела, правда видела. Мне не почудилось, – испуганно прошептала она.

– Верно, путника запоздалого свет привлек. Пойду посмотрю. – И мама направилась к двери.

Но на улице никого не было. Только холодный ветер разгуливал, да снег белел в поле и лесу, да сияли в небе звезды на пару с рождественской луной, посеребрившей все окрест.

– А какое у него было лицо? – вернувшись в дом, спросила мама.

– Мне показалось, очень приятное. Но я с перепугу не очень-то разглядела. Хорошо бы нам на окно занавески.

– Нет, мне нравится, что у нас из окна свет на улицу льется. Дорога-то темная и пустынная. Прохожему легче на душе делается даже от крохотного огонька. Мы с тобой мало чем можем пособить соседям, так я рада и такой малости. А теперь иди-ка спать, дорогая. Я тоже вскорости лягу.

Корзину с птичкой Тилли взяла с собой и поставила рядом с кроватью, чтобы питомица ночью не чувствовала себя одинокой. Чуть позже легла и мама. Маленький домик обьяла тьма, и обитателям его было невдомек, чем этой ночью

занимались рождественские духи.

Когда же утром Тилли вышла, как обычно, на крыльцо, там ее ожидала картина столь необычная, что у девочки вырвался радостный вопль, она громко захлопала в ладоши, а затем застыла, утратив на миг дар речи. Возле двери высилась груда дров, уже наколотых, хоть сейчас клади их в очаг. Рядом лежал большой сверток. А возле него стояла корзина с привязанным к ручке букетиком из морозника, остролиста и еловых веток.

– Смотри, что нам с тобой принесли феи! – И побледневшая от счастья Тилли схватила корзину, а мама, которая тоже уже вышла из дома, взяла в руки сверток.

– Да, милая, это самая лучшая и самая дорогая нам фея. Имя ей – Милосердие. Она много прекрасного творит в Рождество, не требуя ничего взамен, – проговорила с полными слез глазами мама, раскрывая сверток.

И в нем оказались они: два теплых одеяла, две уютные шали, новенькие ботинки и – что уж совсем удивительно! – хорошенький зимний капор для Бесси. Корзина была набита доверху всевозможными вкусностями. А в букете среди цветков морозника, который недаром зовется Христовой розой, лежала записка: «Для девочки, которая возлюбила ближнего, как саму себя».

– Ну, теперь-то, мама, я уверена, что моя птичка действительно сказочная. Кто же еще мог подарить нам столько всего прекрасного? – смеясь и одновременно всхлипывая, про-

шептала Тилли.

Тут малиновка, словно бы в подтверждение ее слов, полетела к столу, запрыгнула на букет и, устроившись среди цветов, принялась звонко щебетать. Солнечные лучи лились сквозь окно на птицу, букет и счастливую девочку, и никто не заметил, как на улице мимо домика промелькнула тень и исчезла. И никому никогда не дано было узнать, что мистер Кинг, случайно видевший вчера трех подружек, шедших из школы домой, слышал их разговор и стал свидетелем поступка Тилли. Так вот бедная маленькая соседка, сама того не ведая, преподавала хороший урок богатому соседу.

Ну и можно ли было после такого не посчитать птицу волшебной? Сколько прекрасного принесло ее появление. Тилли познала радость заботы о существе, попавшем в беду. Соседу ее посчастливилось испытать радость тайного дарителя. А самое главное, у Тилли появилась веселая маленькая подружка, которая никуда не улетела. Они жили вместе, пока не сошел снег. И всю ту зиму в домике Тилли и ее мамы благодаря малиновке продолжалось лето.

Мой маленький джентльмен

Наверное, мало кому пришло бы в голову так назвать оборванного веснушчатого Джека, который изо дня в день то подавал на рынке корзины с товаром мяснику, то разносил заказчикам выстиранное миссис Куинн белье, то торговал вразнос на улице жареной картошкой, то рылся в кучах золы, выискивая несгоревшие, а значит, пригодные для топки угли. Тем не менее мальчишка этот не плутовал, не брезговал никакой честной работой, трудился сноровисто и добросовестно и считал своим долгом по мере сил помогать тем, кто еще беднее. Иными словами, вел себя как истинный джентльмен в самом лучшем смысле этого старого доброго слова. Жилья своего у него не имелось, и миссис Куинн приютила его у себя на чердаке. Он старался отплатить за приют, разнося для нее белье заказчикам и добывая уголь. Одевался Джек во что придется. А единственным другом его была девочка Нэнни, чья мать опекала Джека, когда после кончины отца остался он круглым сиротой. Когда и добрая эта женщина отошла в мир иной, благодарный Джек с таким же участием отнесся к маленькой ее дочери, считавшей его самым лучшим человеком на свете.

Старая миссис Куинн взяла на себя содержание Нэнни, пока та не окрепнет достаточно, чтобы работать, но девочка постоянно болела, все более походя на бледную тень се-

бя прежней, и, что хуже всего, синие глаза ее вдруг подернулись мутной пеленой. Она явно слеpla, и эта беда, чувствовал Джек, была не из тех, что прогонишь свистом, хотя все прочие неприятности и невзгоды ему, жизнерадостному сорванцу, отгонять от себя подобным образом удавалось. Когда, например, корзины оттягивали руки чуть не до земли, или путь предстоял неблизкий, или погода выдавалась студеной, а одежда превращалась в лохмотья и живот сводило от голода, Джек насвистывал одну за другой веселые песенки, и жизнь как-то налаживалась. Но совсем не до песен сделалось Джеку, когда принес он Нэнни однажды букет первых одуванчиков, а она начала ощупывать цветы, после чего со смирением, так трогательно проступившим на лице, тихо произнесла:

– Мне их уже не разглядеть, Джек, но я ведь все равно знаю, какие они славные.

И яркий солнечный свет, заливавший комнату, померк для Джека, а губы его одеревенели. Такими не засвистишь.

– Зрение бедняжке, наверное, можно вернуть, – пропыхтела миссис Куинн, стирая что-то в корыте. – Но для этого нужно много денег, а откуда они возьмутся?

– Сколько? – спросил Джек.

– Долларов сто, не меньше. Кухарка доктора Уилкинсона рассказывала мне, как он проделал что-то с глазами одной леди и запросил за это целую тысячу.

Джек, тоскливо вздохнув, отправился наполнять водой

ведра, но фамилию доктора запомнил и надежды помочь бедной Нэнни не оставлял. Ради этого он был готов выполнять любую работу, пусть день и ночь, но сколько же времени должно пройти, прежде чем у него наберется сто долларов?

Как ни кротко переносила Нэнни свою беду, миссис Куинн все чаще начала поговаривать, что слишком бедна, что содержать беспомощного ребенка ей не по силам и девочку лучше отправить в богадельню. Сердце Джека сжимала тревога, а на лице поселилась безмерная печаль. Счастье еще, что Нэнни этого не видела. Мальчугану-то было всего двенадцать, а ношу он на себя взвалил, какая и взрослому тяжела. Мысли о дорогом существе, обреченном из-за нехватки денег на вечную слепоту, не раз склоняли Джека к соблазну украсть необходимую сумму, и впервые его посетил гнев на тех, кому повезло больше. Разнося изысканные кушанья в большие дома и видя тамошний достаток, он невольно сетовал на несправедливость. И ведь действительно, у одних всего было в изобилии, а у других и самой малости не имелось. Дети из богатых домов, сытые, нарядные и ухоженные, играли в парках, раскатывали с родителями в экипажах, нежно любимые и не знающие забот, а бедная его Нэнни могла рассчитывать лишь на единственного друга, да и тот помочь ей не в силах. Думая так, Джек едва сдерживал слезы.

Однажды он набрался смелости и постучал в дверь знаменитого доктора, надеясь, что тот выслушает его и, может быть, сжадется. Но слуга не пустил мальчика дальше порога.

– Убирайся прочь! Доктору не до всяких там оборванцев, – произнес он грубо и захлопнул дверь перед носом Джека.

Вниз по ступенькам Джек шел, крепко сжав кулаки и повзрослому себя успокаивая:

– Ладно. Уж как-нибудь я эти деньги добуду, и тогда им придется меня впустить.

И Джек их добыл, причем самым необычайным способом. Однако горькая память о том, как его погнали взашей, даже не выслушав, осталась с ним на всю жизнь. И с тех пор он не был склонен слишком строго судить людей за дурные поступки, на которые те решились в скверные времена, ибо и сам только чудом не поддался соблазну.

Несколько дней спустя после неудачной попытки увидеться с доктором Джек выискивал угли в куче свежесброшенной золы. Был он сердит и придавлен непроходящим горем, путей к избавлению от которого по-прежнему не находил, и, когда среди шлака и прочего мусора обнаружил старый, грязный бумажник, не придав находке особенного значения, сунул ее себе за пазуху. Да и времени не было заглянуть внутрь. Куча оказалась очень богата несгоревшими углями, а в ней, кроме Джека, копошились, как стая цыплят, другие мальчики и девочки. Зазеваешься – добыча достанется другому. Кто смел, тот и съел – таков был закон нищих охотников за углем, и соблюдался он непреложно. Помимо угля, в баках регулярно попадались бутылки, бумага. Набрал пол-

ную корзину трофеев, Джек сел отдохнуть. Кое-что из добытого показалось ему вполне ценным. Например, почти незапачканный клочок ткани. Если миссис Куинн его хорошенько выстирает, сойдет за носовой платок. Вытащив тряпицу из-за пазухи, Джек собрался стереть ею сажу с лица, но так этого и не сделал. Потому что вместе с ней наружу вывалился старый бумажник, в котором мальчик обнаружил деньги. Несколько банкнот с двузначными цифрами – три десятки и одна двадцатка.

У Джека перехватило дыхание. Сжимая в грязных ладонях бумажник и раскачиваясь на мусорной куче среди устричных раковин, ржавых жестяных чайников и прочего хлама, он прошептал со слезами, которые заволокли вдруг ему глаза: «О, Нэнни, Нэнни, теперь я смогу для тебя это сделать».

Полагаю, ни до, ни после не случилось больше какой-нибудь корзине перемещаться по улице с подобной стремительностью. К миссис Куинн Джек ворвался пулей.

– Ура! Я добыл их! Добыл! – выпалил он, размахивая, словно флагом, куском почти незапачканной ткани.

Стоит ли удивляться, что старая женщина сперва подумала, будто мальчик сошел с ума. Вид у него был достаточно дикий: лицо в саже, прорезанной потеками слез, глаза вытаращены. Накружившись до изнеможения в бешеном танце, он с оглушительным «ура» высыпал на коленки Нэнни долларовые купюры и разрыдался.

Когда миссис Куинн и девочка немного его успокоили, Джек смог наконец объяснить им, каким образом достал деньги. Тут старая женщина несколько охладила его восторг, заявив, что находка ему не принадлежит, поэтому необходимо о ней сообщить.

– Но я же принес их для Нэнни! – выкрикнул Джек. – Да и как теперь отыскать того, чьи они? В эту огромную кучу мусор свозили из разных мест. Поди разберись, когда и откуда попал туда этот бумажник.

– Скорее всего, владельца ты действительно не найдешь и тогда с легкой душой распорядишься деньгами по своему усмотрению. Но если судить по совести, надо все же сперва поискать. Вдруг бумажник какая-то бедная девушка потеряла, а в нем был весь ее заработок? Вот представь себе, нас бы такое горе постигло. Тебе бы это понравилось? – спросила миссис Куинн, роясь в старом бумажнике и разглядывая его со всех сторон, но не находя ни малейшего указания на человека, которому он мог прежде принадлежать.

Нэнни с очень серьезным видом молчала. Джек вцепился в деньги изо всех сил. Они слишком много для него значили, расстаться с ними не было мочи, но и доводы миссис Куинн со счетов он сбросить не мог. От них ему сделалось неуютно, и он, одержав с трудом верх над прочими чувствами, позволил ей пойти к местному полицейскому. Тот был человеком добрым. История Нэнни и Джека его впечатлила. И принял честный Джон Флloyd такое решение. Разумеется, он обязан

найти владельца. Таков его долг. Но если поиск не принесет результатов, деньги вернутся к Джеку.

Каким же мучительным выдалось ожидание! Джек думал о деньгах день и ночь. Нэнни то и дело бегала к двери, напрыгая слух: не послышатся ли тяжелые шаги мистера Флойда? И невидящие ее глаза нет-нет да и обращались с тоской к свету, который она так мечтала снова увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.